

ПИТЕР ДЖЕЙМС

МЕРТВЫЙ, КАК ТЫ

Top
Thriller

От автора мирового
бестселлера
«Убийственно просто»

ПРОДАНО БОЛЕЕ 10 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Питер Джеймс
Мертвый, как ты
Серия «Детектив Рой Грейс», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Центрполиграф»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2967875
Питер Джеймс. Мертвый, как ты: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-03081-8*

Аннотация

Наутро после предновогоднего бала в брайтонском отеле «Метрополь» найдена зверски изнасилованная женщина. Преступник украл у нее одежду и дорогие туфли на шпильках. Суперинтендент уголовной полиции Рой Грейс, который ведет следствие, находит сходство между насильником из отеля и маньяком по кличке Туфельщик, совершавшим такие же злодеяния двенадцать лет назад. Тем временем количество жертв множится. Еще одной в их ряду может стать молодая девушка Джесси Шелдон. Рой Грейс и его команда уже напали на след Туфельщика, но успеют ли они его обезвредить?..

Содержание

1	4
2	6
3	9
4	12
5	14
6	16
7	18
8	20
9	24
10	26
11	29
12	35
13	37
14	40
15	43
16	45
17	47
18	49
19	53
20	54
21	56
22	58
23	61
24	63
25	67
26	71
27	72
28	73
29	76
30	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Питер Джеймс

Мертвый, как ты

Посвящается Анне Лизе Линдеblad-Дэвис

1

1997

25 декабря, четверг

Все мы то и дело ошибаемся, допускаем промахи и оплошности. В основном по мелочам. Так, мы обещаем перезвонить и не перезваниваем, забываем положить деньги в паркомат или купить в супермаркете молоко. Но иногда – к счастью, очень редко – мы совершаем крупные ошибки.

Ошибки, которые могут стоить жизни.

Именно такую ошибку совершила Рейчел Райан.

Потом у нее было много времени, чтобы поразмыслить о том, что она сделала.

Если бы она так не напилась... Если бы не было так чертовски холодно... Если бы не пошел дождь... Если бы в канун Рождества, точнее, уже в день Рождества – в два часа утра – на стоянке такси на брайтонской Ист-стрит не стояла длиннющая очередь из таких же пьяных гуляк... Если бы она не могла добраться до своей квартиры пешком, в отличие от своих таких же пьяных спутниц, Трейси и Джейд, которые жили гораздо дальше, на другом конце города...

Если бы она послушалась Трейси и Джейд, которые просили ее не выпендриваться... Подруги уверяли, что такси целая куча. Что ждать придется совсем недолго.

Он весь подобрался от возбуждения. Он караулил целых два часа, и наконец женщина, которую он так долго дождался, повернула из-за угла. Одна и идет пешком. Замечательно!

Она в мини-юбке, на плечах большой платок. Идет слегка пошатываясь – наверное, перебрала. Да еще высоченные каблуки. Ноги у нее красивые. Правда, гораздо больше самих ног его занимали туфли. То, что надо. Его вариант. На высоченных каблуках и с ремешками на щиколотках. Он обожал ремешки на щиколотках. Когда она подошла к уличному фонарю, он ясно разглядел в бинокль, что ее туфли блестят, на что он очень надеялся.

Обалденные туфли!

Она – то, что ему надо!

Рейчел ужасно радовалась, что решила прогуляться пешком. Какая очередица на стоянке! Ее то и дело обгоняли переполненные такси. Радуюсь мелким каплям дождя, которые падали на лицо, Рейчел шла неверной походкой мимо магазинов на Сент-Джеймс-стрит. Миновав Королевскую больницу графства Суссекс, она повернула на Пастон-Плейс. Порывы ветра играли с ее длинными каштановыми волосами; ей приходилось то и дело отбрасывать пряди с лица. Она зашагала в сторону набережной, потом повернула налево, на свою улицу, застроенную рядами викторианских домов с общей стеной. Ветер и дождь окончательно испортили ей прическу. Правда, Рейчел было уже все равно. Она услышала вдали вой сирены и подумала: наверное, «скорая» или полиция.

Проходя мимо припаркованной машинки с тонированными стеклами, она смутно разглядела силуэты двоих людей. Какая-то парочка обнималась и целовалась. Рейчел стало грустно; она вдруг заскучала по Лайаму, которого бросила почти полгода назад. Подонок,

он ей изменил! Да, потом он умолял ее о прощении, но Рейчел отлично знала: стоит его простить, и он опять пойдет налево, а потом еще раз и еще... Просто он так устроен. И все равно ей его иногда ужасно не хватало. Вот и сейчас Рейчел невольно задумалась: где он? Что сегодня подделывает и с кем? В одном можно не сомневаться: он развлекается с какой-нибудь девицей.

А она одна.

Точнее, она с Трейси и Джейд. Как они в шутку себя называли, Три жалкие холостячки. Как говорится, в каждой шутке только доля шутки – и это ужасно грустно. Два с половиной года она ухлопала на Лайама. Думала, что они поженятся. А теперь ей очень трудно привыкать к одиночеству. Особенно на Рождество, когда одолевают воспоминания.

Господи, ну и паршивый же выдался год! В августе погибла принцесса Диана. А потом и ее собственная жизнь пошла прахом.

Рейчел посмотрела на часы. Два тридцать пять. Она вынула из сумочки мобильник и набрала номер Джейд. Подруга сообщила, что они до сих пор стоят в очереди. Рейчел похвасталась, что уже почти дома. Потом она пожелала Джейд счастливого Рождества. Попросила то же самое передать и Трейси и напомнила, что они договорились встретить вместе Новый год.

– Рейч, желаю, чтобы Санта-Клаус привез тебе целую кучу полезных подарков! – сказала Джейд. – Только напомни ему о запасных батарейках, если он осчастливит тебя вибратором!

Рейчел услышала на заднем плане хихиканье Трейси.

– Да идите вы знаете куда! – ответила она, улыбаясь во весь рот.

Потом сунула телефон в сумку и, спотыкаясь, зашагала дальше. Один раз она чуть не упала – шпилька угодила в зазор между двумя булыжниками. Туфли «Курт Гейгер» стоили целое состояние, но она ухитрилась отхватить их на распродаже со скидкой. Идти на высоких каблуках было тяжело, она даже подумывала, не снять ли их, но до дома оставалось всего ничего, и Рейчел зашагала дальше.

Хотя прогулка и дождь немного отрезвили ее, от выпивки и собственных мыслей она по-прежнему была как в дурмане и не насторожилась, заметив впереди фургон, из которого мужчина в бейсболке вытаскивал холодильник. Утро Рождества, три часа. Ну не странно ли?

Когда Рейчел поравнялась с фургоном, тип в бейсболке как раз наполовину вытащил холодильник. Она услышала, как он пыхтит под его тяжестью. Неожиданно мужчина вскрикнул от боли.

Будучи доброй по природе, Рейчел, спотыкаясь, подошла к нему.

– О-ой, спина! Диск сместился... Господи, как больно!

– Вам помочь?

Вот последние слова, которые она запомнила.

Ее с силой швырнуло вперед. По лицу хлестнуло чем-то мокрым. Она вдохнула едкий, сладковатый запах...

Потом все почернело.

2

Наши дни

31 декабря, среда

Ра нагнулся к металлической пластине в высокой кирпичной стене.

– Такси! – произнес он.

Распахнулись ворота – шикарные, кованые, выкрашенные в черный цвет, с золочеными пиками наверху. Он снова сел в свой бело-бирюзовый «пежо»-универсал и покатил по короткой, но извилистой аллее, обсаженной с обеих сторон кустами. Правда, что это за кусты, он не знал. Он занимался ботаникой, но до кустов пока не дошел. Только до деревьев.

Ра было сорок два года. Перед началом смены он надел тщательно выглаженную рубашку, костюм, галстук в тон. На работу он любил одеваться нарядно. А до того старательно брился, зачесывал короткие черные волосы вперед небольшим гребешком, а подмышки обрабатывал шариковым дезодорантом. Он знал: главное, чтобы от тебя не пахло плохо. Перед выходом из дому он всегда проверял ногти на руках и на ногах. Всегда заводил часы. Всегда проверял телефон – нет ли сообщений. Правда, в его адресной книге значилось всего пять номеров, а его телефон имелся только у четырех человек, поэтому эсэмэски он получал нечасто.

Ра проверил часы на приборной панели: половина седьмого вечера. Хорошо. До следующей порции чая еще полчаса. Времени уйма. И термос на месте: на сиденье рядом с ним.

Ближе к дому аллея становилась круговой; посередине низкая стенка огораживала подсвеченный зеленым фонтан. Ра осторожно объехал фонтан, миновал гараж на четыре машины и стену огромного особняка и остановился у крыльца, ведущего к большой и внушительной парадной двери. Дверь оказалась закрыта.

Ра забеспокоился. Он любил, когда пассажиры уже ждали его снаружи. А иначе как понять, сколько придется ждать? И столько всего предстоит решить!

Например, заглушить ли мотор или оставить его включенным. А если заглушить мотор, выключать ли свет? Но перед тем как заглушать мотор, тоже нужно кое-что проверить. Бензин... Три четверти бака. Масло... Давление в норме. Температура... Температура отличная. В такси столько всего нужно упомянуть. И не забыть включить счетчик, если пассажиры не выйдут через пять минут. Но самое главное – чай, по часам, каждый час. Ра скосил глаза вбок – проверить, на месте ли термос. Термос оказался на месте.

Такси, собственно говоря, не его, оно принадлежит одному знакомому, который сдает его Ра в аренду. Ра работает в те часы, когда владельцу неохота садиться за руль. В основном по ночам. Иногда работать приходится дольше. Вот, например, сегодня – канун Нового года. Ночь обещает быть очень длинной, а на смену он заступил рано. Но Ра ничего не имел против. Ночь – это хорошо. Для него все равно что день, только темнее.

Парадная дверь приоткрылась. Ра напрягся и сделал глубокий вдох – так его научил психиатр. Если честно, он терпеть не мог пассажиров, которые садились в его такси и вторгались в его личное пространство, – кроме пассажиров в красивых туфлях. Но с захватчиками приходилось мириться. Он доставлял их до места назначения, высаживал и освобождался.

Уже выходят... Мужчина высокий и стройный, волосы зачесаны назад, на нем смокинг и галстук-бабочка; пальто он небрежно повесил на руку. На его спутнице меховой жакет, рыжие волосы красиво уложены, так и струятся вокруг головы. Красивая, похожа на знаменитую актрису, вроде тех, чьи фотографии он видит в газетах, которые пассажиры оставляют в такси, или по телевизору – в репортажах о звездах, которые ходят на премьеры.

На саму пассажирку он едва посмотрел. Сразу увидел ее туфли. Черные, замшевые, с тремя ремешками на лодыжках, на высоких каблуках с тускло поблескивающими металлическими набойками.

– Добрый вечер! – поздоровался мужчина, открывая для своей спутницы дверцу. – В отель «Метрополь», пожалуйста.

– Красивые туфли, – сказал Ра, вместо ответа, обращаясь к женщине. – «Джимми Чу», верно?

– Да, вы правы, – горделиво и радостно ответила она.

Голос у нее оказался визгливый.

И дерзкий, свежий аромат ее духов он тоже узнал, но ничего не сказал. «Оскар де ла Рента»... Приятно пахнет, ему нравится.

Ра завел мотор, в последний раз припоминая, не упустил ли чего. Включить счетчик. Пристегнуться. Закрывать дверцы. Снять с ручника. После того как высадил предыдущих пассажиров, он еще не смотрел покрышки, но их он проверял полчаса назад; скорее всего, они в порядке. Посмотреть в зеркало. Заодно покосился на лицо пассажирки. Определенно красивая. Ему очень захотелось еще раз увидеть ее туфли.

– К главному входу, – велел мужчина.

Выруливая на аллею, Ра производил мысленные подсчеты: 2,516 мили. Он точно определял расстояния, потому что выучил наизусть карту города. До брайтонского «Хилтон-Метрополя» 4280 ярдов, или 2,186 морской мили, или 4,04897 километра, или 0,404847 шведской мили. В зависимости от пробок поездка обойдется примерно в девять двадцать.

– У вас в доме унитазы с верхними бачками или компакты? – спросил он.

Пассажиры замолчали. И только когда Ра вырулил на шоссе, мужчина покосился на свою спутницу, поднял глаза и ответил:

– Компакты. А что?

– Сколько у вас в доме туалетов? Наверное, не один, а?

– Хватает, – ответил мужчина.

– Могу сказать, где есть отличный унитаз с верхним бачком, – в Уортинге. Если интересуетесь, могу свозить посмотреть. – Ра все больше оживлялся. – Отличный экземпляр! В общественном туалете у пирса.

– Нет, спасибо. Я унитазами не интересуюсь.

Парочка на заднем сиденье притихла.

Ра катил по улицам и косился в зеркало на лица пассажиров. На них падал свет уличных фонарей.

– Раз у вас компакты, наверное, вода кнопкой спускается, – заметил он.

– Угу, – буркнул мужчина. – Да. – Потом он поднес к уху мобильник – ему кто-то звонил.

Ра последил за ним в зеркало и перевел взгляд на женщину:

– У вас ведь четвертый номер? Я про туфли.

– Да! Откуда вы знаете?

– Сразу вижу. Я всегда вижу, ага-ага.

– Вы просто молодец, – похвалила его пассажирка.

Ра замолчал. Наверное, он слишком много болтает. Владелец такси уже говорил, что пассажиры на него жаловались: мол, он слишком много болтает. А пассажирам не всегда хочется разговаривать в пути. Терять работу Ра совсем не хотелось. Поэтому он замолчал. Поворачивая налево у набережной, он все думал о туфлях своей пассажирки. На набережной в такси немедленно ударил порыв ветра. Движение здесь было плотное; ползти пришлось еле-еле. Но насчет цены он оказался прав.

Когда он подъехал ко входу в отель «Метрополь», на счетчике высветилось ровно девять двадцать.

Мужчина протянул ему десять фунтов.

– Сдачу оставьте себе, – сказал он.

Ра смотрел парочке вслед. Они вошли в отель. Ветер растрепал рыжие волосы пассажирки. Он следил, как туфли «Джимми Чу» скрываются за дверью-турникетом. Красивые туфли! Он очень возбудился.

Его волновала предстоящая ночь.

Сколько сегодня еще будет туфель! Особенных туфель для особенной ночи...

3

31 декабря, среда

Суперинтендент уголовной полиции Рой Грейс смотрел из окна своего кабинета в черную ночную пустоту. Он видел освещенную автостоянку у супермаркета через дорогу, огни Брайтона и Хоува вдаль. Завывал ветер. Через щели в оконной раме тянуло свежестью.

Канун Нового года. Грейс посмотрел на часы: шесть пятнадцать. Пора идти. Пора оставить безнадежную попытку прибраться на столе и ехать домой.

Перед каждым Новым годом всегда одно и то же. Грейс давал себе зарок навести порядок на столе, разобраться со всеми бумагами и начать новый год с чистого листа. И всякий раз благие намерения рассыпались в прах. Завтра он вернется сюда и снова увидит в кабинете безнадежный беспорядок. Даже хуже, чем в прошлом году. А в прошлом году было еще хуже, чем в позапрошлом.

На полу громоздятся стопки папок с уголовными делами, которые он вел в этом году. Чуть дальше опасно пошатываются башенки, сложенные из синих картонных коробок и зеленых пластмассовых ящиков. Коробки и ящики набиты нераскрытыми делами – так официально называют глухари или висяки. Правда, Грейс официоза терпеть не мог.

Хотя по должности Рой Грейс был обязан расследовать убийства и другие тяжкие преступления по горячим следам, его волновали и висяки – вплоть до того, что он ощущал личную связь с каждой жертвой. Но в этом году он не имел возможности посвятить много времени висякам, потому что год выдался необычно беспокойным. Сначала одного молодого человека заживо похоронили в гробу на мальчишнике. Потом раскрыли банду мерзавцев, которые снимали так называемый снафф – фильмы с реальными убийствами. Затем долго ловили маньяка-убийцу, и, наконец, Грейс вел дело о двойном убийце, который инсценировал свое исчезновение. Правда, за успешное расследование всех этих дел он почти не удостоился благодарности своей бывшей начальницы, помощницы главного констебля Элисон Воспер.

Может быть, следующий год окажется лучше. По крайней мере, на это можно надеяться. Новый помощник главного констебля, Питер Ригг, приступает к работе с понедельника – через пять дней. Кроме того, также с понедельника, к огромному облегчению Грейса, под его руководством начнет работать только что созданный подотдел нераскрытых преступлений, в который входят три бывших кадровых сотрудника уголовного розыска.

И самое главное, его любимая Клио в июне должна родить. Они поженятся незадолго до важного события – правда, дату они еще не назначили. Свадьба состоится, как только исчезнет единственное препятствие, стоящее на их пути.

Его жена, Сэнди.

Она пропала девять с половиной лет назад, в день его тридцатилетия, и, несмотря на все его усилия, с тех пор от нее ни слуху ни духу. Грейс так и не знал, что с ней случилось. Ее похитили, убили? А может, она сбежала с любовником или с ней произошел несчастный случай? Или она намеренно инсценировала свое исчезновение...

За прошедшие девять лет, до того как начался их роман с Клио Мори, Рой тратил почти все свое свободное время на бесплодные попытки выяснить, что же случилось с Сэнди. Сейчас он наконец смирился с тем, что Сэнди осталась в прошлом. Он обратился к адвокату; Сэнди необходимо официально признать умершей. Грейс надеялся, что процесс не затянется и они с Клио успеют пожениться до рождения ребенка. И даже если вдруг объявится Сэнди, ничего не изменится. Грейс понял, что не хочет возобновлять с ней совместную жизнь. Он принял сознательное решение – по крайней мере, он так считал.

Он перелопатил несколько груд документов у себя на столе. Положил одну стопку на другую, и стол стал казаться чище, хотя бумаг на нем осталось столько же.

Странно, думал он, как все изменилось. Сэнди терпеть не могла Новый год. Она называла этот праздник насквозь фальшивым. Грейсы всегда встречали Новый год с друзьями: Диком Поупом, тоже полицейским, и его женой Лесли. Они заранее бронировали столик в каком-нибудь модном ресторане. Потом Сэнди разбирала предновогодний вечер по косточкам, и у нее выходило, что все прошло хуже некуда.

Рядом с Сэнди и сам Рой постепенно разучился радоваться приближению Нового года. Но сейчас, с Клио, все изменилось. Они решили, что встретят Новый год дома, одни и как следует вкусно поедят. Блаженство! Плохо только, что на этой неделе он де журит по городу, то есть его в любую минуту могут выдернуть из дому. Следовательно, ему нельзя пить. Не считая, конечно, того, что в полночь он позволит себе несколько глотков шампанского.

Скорее бы домой! Грейс так страстно любил Клио, что в разлуке тосковал по ней. Ему хотелось постоянно видеть ее, обнимать, прикасаться к ней, слышать ее голос, видеть ее улыбку. Вот и сейчас в нем проснулась такая тоска. Больше всего на свете ему хотелось поскорее уйти с работы и поехать к ней домой. Ее дом сейчас, в сущности, стал и его домом.

Его останавливало только одно.

Проклятые синие коробки и зеленые ящики на полу, будь они неладны! К понедельнику, первому рабочему дню нового года, он обязан как-то рассортировать всю грудку и передать ее в отдел нераскрытых преступлений. Значит, впереди еще несколько часов работы.

Поэтому Грейс не поехал домой. Зато он послал Клио эсэмэску с целым рядом звездочек, что значит: «Целую-целую-целую».

На какое-то время в старом году ему удалось спихнуть нераскрытые дела одному коллеге. Но ничего хорошего не получилось, и висяки снова вернулись к нему. Среди двадцати пяти висяков – пять нераскрытых тяжких преступлений. С чего начать?

Вдруг в голову пришли слова из кэрролловской «Алисы в Стране чудес»: «Начни с начала. Затем иди, пока не дойдешь до конца. Затем остановись».

Поэтому он начал с начала, пообещав себе: всего пять минуточек, а потом он все бросит до следующего года и поедет домой, к Клио. Как будто услышав его мысли, запищал мобильник: входящее текстовое сообщение. Клио тоже прислала ему ряд звездочек, только длиннее: «Целую-целую-целую-целую-целую!»

Улыбнувшись, Грейс раскрыл первую папку и просмотрел отчет по ходу следствия. Каждые полгода криминалистические лаборатории, чьими услугами они пользуются, сверяют полученные образцы ДНК с теми, что найдены на жертвах нераскрытых преступлений. В таких делах ничего не ясно заранее. За последние несколько лет они привлекли к ответу нескольких мерзавцев, которые считали, что им удалось выйти сухими из воды. Те оказались за решеткой благодаря успехам в развитии криминалистики и новейшей аппаратуре, с помощью которой сличают образцы ДНК.

Во второй папке лежало дело, которое до сих пор задевало Роя Грейса до глубины души. Малыш Томми Литл. Двадцать семь лет назад, в феврале, одиннадцатилетний Томми вышел из школы и отправился домой. Единственной зацепкой тогда оказался микроавтобус марки «Моррис-майнор», который видели рядом с местом убийства мальчика. Позже микроавтобус обыскали. Следователь, который вел дело, видимо, не сомневался в том, что владелец микроавтобуса и есть преступник, но доказать, что мальчик находился в микроавтобусе, тогда не удалось. Пришлось освободить из-под стражи владельца «морриса-майнора», одионочку-извращенца, который уже привлекался к суду за преступления на сексуальной почве. Грейс знал, что извращенец до сих пор жив-живехонек.

Он перешел к следующему делу: «Операция Гудини».

Туфельщик!

Названия для операций произвольным образом выбирал компьютер их управления. Как ни странно, иногда названия оказывались удивительно к месту. Как, например, это. Подобно великому фокуснику, который ловко выпутывался из любых цепей и оков, Туфельщик, или, как его еще называли, Башмачник, так и не попал в сети полиции.

В 1997 году за короткий период он изнасиловал – или попытался изнасиловать – не меньше пяти женщин в Брайтоне. Скорее всего, он же изнасиловал и убил еще одну девушку, чей труп так и не нашли. Грейс подозревал, что список жертв Туфельщика гораздо длиннее. Просто многие изнасилованные женщины не заявляют в полицию из страха или стыда. Потом нападения на женщин вдруг прекратились. В то время у жертв изнасилования еще не брали проб ДНК.

Им оставалось опираться только на одно: на почерк Туфельщика. Почти у каждого преступника есть свой, специфический способ действия, свой неповторимый почерк. Имелся такой и у Туфельщика: он забирал трусики жертвы и одну ее туфлю. Но только в том случае, если туфли оказывались стильными, элегантными.

Насильников Грейс ненавидел. Он знал: всякий, кто становится жертвой преступления, так или иначе получает травму. Но те, кого, например, ограбили или избили, в конце концов справляются со своими переживаниями и способны жить дальше. Те же, кто стал жертвой сексуального насилия, особенно дети, так никогда и не оправляются до конца. Их жизнь меняется бесповоротно. До конца своих дней они помнят о том, что с ними случилось, с огромным трудом пытаются справиться с собой, сдерживают отвращение, гнев и страх.

Суровый факт: большинство изнасилований совершаются знакомыми жертв. Совершенно посторонние насильники тоже встречаются, правда очень редко. Именно они любят брать у жертв сувениры на память – своего рода трофеи. Именно так поступал Туфельщик.

Грейс полистал толстую папку, просмотрел отчет о сходных делах, расследовавшихся в других районах страны. Особенно их тогда заинтересовало одно дело, случившееся на севере примерно в то же время. В почерке Туфельщика и северного насильника прослеживалось поразительное сходство. Но подозреваемого пришлось исключить; улики непроверяемо доказывали, что он не мог совершить преступление в Брайтоне.

«Ну что, Туфельщик, ты еще жив? – подумал Грейс. – А если жив, то где ты сейчас?»

4

31 декабря, среда

Никола Тейлор не могла дождаться, когда закончится эта адова ночь. Она не подозревала о том, что настоящий ад для нее еще не начался.

Жан-Поль Сартр, с которым Никола соглашалась на сто процентов, написал: «Ад – это другие». Сейчас адом для нее стал ее пьяный сосед справа в сбившемся набок галстук-бабочке. Он стискивал ее руку так, что кости хрустели. Правда, сосед слева, в зеленом смокинге, был еще пьянее. Его потная ладонь была скользкой, как бекон в вакуумной упаковке.

Не меньше Николу раздражали и остальные триста пятьдесят пьяных горлопанов, собравшихся в зале.

Оба соседа попеременно дергали ее за руки – у нее даже суставы заныли. Едва часы пробили полночь, оркестр в зале приемов отеля «Метрополь» заиграл «Доброе старое время». Сосед справа нацепил пластмассовые усики, как у комика Граучо Маркса. Сосед слева, который весь вечер пытался залезть к ней под юбку, все время дудел в манок – как будто селезень пукал.

До чего же ей не хотелось здесь находиться! Жаль, что не удалось настоять на своем и остаться дома, в тепле и уюте. Сейчас сидела бы с бутылкой вина у телевизора... Так Никола проводила почти все вечера с тех пор, как муж ушел от нее к двадцатичетырехлетней секретарше.

Но нет, подруги Оливия, Бекки и Дианна дружно насели на нее и заявили, что ни в коем случае не позволят ей торчать в Новый год дома одной. Найджел все равно не вернется, уверяли подруги.

– Его шлюшка ждет ребенка. Забудь о нем, детка! В море еще полно рыбы... Пора начинать жить!

И это называется «начинать жить»?

Обе руки дернули вверх одновременно. Потом ее в страшной спешке поволокли вперед; ноги выскальзывали из безумно дорогих туфель «Марк Джейкобс».

«Забыть ли старую любовь и дружбу прежних дней?» – играл оркестр.

Да, такое лучше забыть. И старую дружбу, и новые знакомства, будь они прокляты!

И все же забыть не получалось. Никола вспоминала, как они с Найджелом встречали Новый год. Она смотрела Найджелу в глаза и говорила, что любит его... Он тоже признавался ей в любви. Как тяжело на сердце, как тяжело! Она не готова к переменам. Еще не готова – пока не готова.

Песня кончилась, и сосед слева наконец выплюнул свисток, стиснул жирными пальцами обе ее щеки и впился ей в губы – всю облизывал.

– С Н-новым годом! – невнятно пробормотал он.

С потолка планировали воздушные шарик. Николу ударило ленточкой серпантина. Ее окружали радостные, улыбающиеся лица. Ее обнимали, целовали, тискали со всех сторон. Так продолжалось без конца.

Никола решила: если она сейчас сбежит, никто и не заметит.

Она с трудом брела в толпе, работая локтями. Наконец выскользнула в коридор. Повело холодом и сигаретным дымком. Господи, как хочется курить!

Она зашагала по почти пустому коридору, повернула направо, вышла в вестибюль, оттуда к лифтам. Зашла в кабину, нажала кнопку шестого этажа.

Надо надеяться, они все упрячутся вдрызг и не заметят ее отсутствия. Может, надо было больше выпить – тогда и она пришла бы в соответствующее праздничное настроение. Сейчас

же, чувствуя себя трезвой, хотелось уехать домой, но она забронировала себе номер на ночь. Здесь все ее вещи. Может, заказать в номер бутылку шампанского, посмотреть кино и тихо напиться в одиночку?

Выйдя из лифта, она достала из серебристой парчовой сумочки – подделки под «Шанель» – пластмассовую карточку-ключ от номера. Сумочку она купила в Дубае два года назад; они ездили туда с Найджелом.

Она заметила впереди стройную блондинку в длинном закрытом вечернем платье. На вид Никола дала ей лет сорок с чем-то. Судя по всему, блондинка никак не могла открыть дверь. Когда Никола поравнялась с женщиной, та, очевидно в доску пьяная, повернулась к ней и с трудом произнесла:

– Н-никак н-не могу открыть ч-чертов замок! Вы ум-меете с ними обращаться? – Она протянула Николе свою карточку.

– Суньте ее в щель и сразу же вытаскивайте, – посоветовала Никола.

– Я уже п-пробовала.

– Дайте-ка мне.

Она взяла у блондинки карточку, сунула в щель, вытащила. Загорелся зеленый огонек; замок шелкнул.

И почти сразу к ее носу прижалось что-то сырое. В ноздри ударил резкий сладковатый запах, глаза словно обожгло. Ее сильно ударили по затылку. Спотыкаясь, она шагнула вперед. Потом в лицо ей ударил ковер.

5 1997

25 декабря, четверг

В темноте Рейчел Райан слышала, как шелкнула пряжка на поясе мужчины. Лязг. Шорох одежды. Его сопение – быстрое, звериное. Голова раскалывалась; она как будто ослепла от боли.

– Пожалуйста, не делайте мне больно, – взмолилась она. – Прошу вас, не надо!

Микроавтобус покачивался под частыми порывами ветра. Время от времени мимо проезжала машина, и тогда на миг становилось светло, как от стробоскопа. В Рейчел пульсировал ужас. Иногда она могла отчетливо разглядеть своего похитителя. На голове – плотная черная маска с узкими прорезями для глаз, ноздрей и губ. Мешковатые джинсы, куртка от спортивного костюма. Левая рука, в перчатке, сжимает маленький изогнутый ножик – он сказал, что выколется ей глаза, если она закричит или попробует сбежать.

От тряпья, на котором она лежала, шел затхлый запах, как от старых мешков. Еще в микроавтобусе пахло старой пластмассовой обивкой и соляжкой.

Похититель спустил джинсы. Рейчел увидела его белые трусы, тощие гладкие ноги. Потом он снял и трусы. Половой член у него оказался маленький, тонкий и короткий, похожий на змеиную головку. Правой рукой он порылся в кармане и что-то извлек оттуда. В темноте тускло блеснул квадратный пакетик из фольги. Похититель вскрыл пакетик ножом, засопел еще громче и вынул презерватив.

Мысли в голове у Рейчел путались. Презерватив? Какой чуткий насильник! А если он в самом деле проявляет чуткость, то неужели способен порезать ее ножом?

– Будем с резинкой, – пропыхтел он. – Сейчас берут тесты на ДНК. Вычисляются на раз. Такой подарок ищейкам я не оставляю... А ну-ка, возбуди меня!

Ее передернуло от отвращения: «змеиная головка» придвинулась к ее губам. Мимо проехала еще одна машина, и лицо похитителя снова осветилось. По улице шли люди. Рейчел слышала совсем рядом голоса и смех. Надо зашуметь – стукнуть в борт или закричать. И тогда кто-нибудь обязательно придет ей на помощь!

Или лучше сделать все, что он от нее требует? Пусть кончит, а потом отпустит ее... Но Рейчел очень сомневалась в том, что насильник ее отпустит. Ее душили отвращение и гнев.

Он задышал чаще, засопел. Потом начал мастурбировать. Рейчел передернуло. Обыкновенный извращенец, гребаный поганый извращенец! Он не посмеет к ней прикоснуться!

Храбрость подогревало еще не до конца прошедшее опьянение. Рейчел обеими руками вцепилась в его потную безволосую мошонку и как можно сильнее сдавила яички. Извращенец ахнул от боли и согнулся пополам. И тут Рейчел сорвала с его головы маску и вцепилась ногтями ему в глаза, пытаясь их выцарапать. При этом она громко, во все горло, кричала.

Но от ужаса из нее, как в страшном сне, вырывался вместо крика лишь едва слышный хрип.

Последовал оглушительный удар по виску.

– Ах ты, сука!

Он снова ударил ее кулаком. Хотя его лицо, искаженное болью и яростью, находилось совсем рядом, перед глазами все расплывалось. Он снова и снова бил ее по голове.

Все закачалось, потемнело...

Потом он рывком сдернул с нее трусы и вошел в нее. Она пыталась вырваться, отползти, но он держал ее крепко.

Это не я. Это не мое тело.

Ей показалось, что она отделена от себя. На секунду даже подумалось: это сон, страшный сон, только проснуться никак не удастся... Перед глазами на миг вспыхнул яркий свет. И тут же сменился полным мраком.

6 Наши дни

1 января, четверг

Сегодня Новый год. И прилив!

Больше всего Ра любил время прилива. Он знал, когда начинается прилив, потому что его плавучий дом мягко покачивался на волнах. Он жил на переделанной угольной барже, крашенной в синий и белый цвета. Баржа называлась «Том Ньюбаунд» – Ра не знал, откуда такое название. Баржа принадлежала женщине по имени Джо, медсестре, которая обслуживала больных на дому, и ее мужу Говарду, плотнику. Ра однажды подвозил их домой в своем такси, и они разговорились. Джо и Говард отнеслись к нему очень хорошо, по-доброму. Впоследствии стали его лучшими друзьями. Ра сразу полюбил их баржу. Он обожал слоняться по ней, вместе с Джо красить, покрывать лаком и наводить в плавучем доме порядок.

И вдруг Джо и Говард сказали Ра, что собираются какое-то время пожить на Гоа. Сколько они там пробудут, они не знают. Ра не хотелось терять друзей и возможность гостить у них на барже. Но друзья сказали: они хотят, чтобы кто-нибудь присматривал за их плавучим домом и кормил их кота.

Ра живет на их барже уже два года. Перед Рождеством Джо и Говард позвонили и сказали, что останутся на Гоа еще на год, не меньше.

Значит, и он тоже может еще год, не меньше, жить на барже – красота! И со вчерашнего вечера у него есть приз – новая пара туфель, которая тоже его радует...

Красные кожаные туфли. Красивые, с шестью ремешками, пряжкой и на пятнадцатисантиметровых шпильках.

Туфли лежат на полу рядом с его койкой. Ра выучил много морских терминов. На самом деле это кровать, но на корабле кровати называются «койками». Ну, или туалет – не туалет, а галльон.

Отсюда он может доплыть до любого порта Великобритании – он выучил наизусть все морские карты Адмиралтейства. Вот только двигателя на его плавучем доме нет. Как хочется купить свою баржу или яхту с мотором. Тогда он сплавает во все места, названия которых хранятся у него в голове. Ага-ага!

О его руку, свисающую с койки, потерялся Боцман – большой и грациозный рыжий кот. Боцман считал себя главным. Настоящим хозяином баржи. Ра знал, что к нему кот относится как к своему слуге. Ну и пожалуйста! Ра ничего не имел против. Боцмана никогда не рвало в его такси, как некоторых людей.

В ноздри Ра ударил запах дорогой новой обувной кожи. О да! Вот что такое настоящий рай – проснуться с новой парой туфель.

Да еще с приливом!

Вот что самое лучшее в жизни на воде. Никогда не услышишь шагов. Ра пытался жить в городе, но у него ничего не вышло. Он не выносил мучительных звуков, производимых туфлями, которые цокали и шаркали по асфальту, не давая ему уснуть. Здесь, в доках на реке Адэр, в Шорэм-Бич, никто не шаркает. Слышен лишь тихий плеск воды. На берегу, который обнажается во время отлива, тихо. Еще сюда доносятся крики чаек. И иногда плач восьмимесячного ребенка, который живет на соседней барже.

Вот было бы хорошо, если бы этот младенец когда-нибудь шлепнулся в грязь и утонул!

Но сейчас Ра с нетерпением ждал завтрашнего дня. Он встанет. Разглядит свои новые туфли. Занесет их в каталог. Может быть, осмотрит коллекцию. Он хранит ее в нескольких

тайниках, которые нашел на барже. Там у него, среди прочего, и собрание электромонтажных схем. Потом он поднимется на бак и подключит ноутбук к Интернету.

Лучшего начала нового года и не придумаешь.

Но сначала надо покормить кота.

А еще до этого – почистить зубы.

А еще раньше – сходить в галюн.

Потом еще нужно осмотреть всю баржу со списком, который ему вручили владельцы, и вычеркивать пункт за пунктом. Номером первым значилось: проверить удочки. Затем проверить, нет ли где протечки. Протечки – это плохо. Потом – осмотреть швартовы. Список был длинный; пока Ра сверялся с ним, ему было хорошо. Приятно чувствовать себя кому-то нужным.

Он нужен Раджу Дибдуну, владельцу такси.

Он нужен медсестре и плотнику, владельцам плавучего дома.

Он нужен коту.

А сегодня у него новая пара туфель!

Отличное начало нового года.

Ага-ага!

7

1 января, четверг

Карло Диомеи устал. А когда он уставал, то чувствовал себя подавленным, вот как сейчас. Не по душе ему долгие, сырые английские зимы. Он скучал по хрустящему сухому холоду своего родного Курмайора в Итальянских Альпах. Ему недоставало зимнего снега и летнего солнца. Очень хотелось в выходные надеть лыжи и провести в одиночестве несколько драгоценных часов вдаль от отпускников, которые толпятся на самых популярных трассах, проложить лыжню в той части гор, которую знают только он да несколько местных про водников.

Осталось проработать всего год по контракту, а потом Карло надеялся вернуться в горы и, если повезет, стать управляющим отелем, работать среди друзей.

Здесь ему неплохо платят, да и опыт, приобретенный во всемирно известном брайтонском «Метрополе», поможет ему продвинуться по карьерной лестнице. Но что за паршивое начало нового года!

Обычно Карло дежурил в дневную смену, а вечера проводил дома, в съемной квартире окнами на море. Он наслаждался общением с женой и детьми – двухлетним сыном и четырехлетней дочерью. Но ночной управляющий, как назло, именно вчера, в канун Нового года, заболел гриппом. Пришлось Карло срочно возвращаться на работу и подменять больного. Ему дали короткий перерыв, всего два часа. Он успел примчаться домой, уложить детей спать, чокнуться с женой минералкой – а ведь собирались выпить шампанского! – и поспешил назад, в «Метрополь». В канун Нового года там устроили грандиозный прием.

Отдежуривав восемнадцать часов кряду, Карло совершенно измучился. Через полчаса он передаст смену своему заместителю и наконец уедет домой. Он мечтал о сигарете, которую выкурит в честь праздника. А потом рухнет в постель и уснет. Сон сейчас ему нужен даже больше, чем сигареты.

В его крошечном, тесном кабинетике через стенку от стойки портье зазвонил телефон.

– Карло, – ответил он.

Звонила Даниэлла де Роза, старшая горничная – тоже итальянка, из Милана. Одна из горничных доложила ей о беспорядке в номере 547. Сейчас уже половина первого, прошло полчаса после расчетного часа, а на двери по-прежнему висит табличка «Не беспокоить». Горничная несколько раз стучала, но ей никто не ответил. Она звонила по телефону – безрезультатно.

Карло зевнул. Наверное, гость отсыпается после беспокойной ночи. Везет же некоторым! Пальцы его забегали по клавишам: надо проверить фамилию постояльца. В пятьсот сорок седьмом остановилась миссис Марша Моррис. Он набрал номер и долго слушал гудки. Никто не подошел. Тогда Карло перезвонил Даниэлле де Роза.

– Ладно, – устало сказал он. – Схожу проверю.

Через пять минут Карло вышел из лифта на шестом этаже. У двери злополучного номера его уже поджидала старшая горничная. Карло постучал в дверь. Ответа не последовало. Он постучал снова. Подождал. Потом отпер дверь своим универсальным ключом и вошел.

– Здрасьте! – негромко сказал он.

Плотные шторы были еще задернуты, но в полумраке он различил чью-то фигуру на широкой постели.

– Здрасьте! – повторил он. – Доброе утро!

На постели кто-то едва заметно пошевелился.

– Здравствуйте! – снова повторил Карло. – Доброе утро, миссис Моррис. С Новым годом!

Ответа не последовало. Лишь снова послышался шорох.

Карло поискал на стене выключатель, щелкнул кнопкой. Вспыхнул яркий свет, и дежурный управляющий увидел расprostертую на кровати женщину – стройную, совершенно голую, с большой грудью, длинными рыжими волосами и густым треугольником каштановых волос в паху. Ее руки и ноги были словно распяты и привязаны к столбикам кровати белыми шнурами. Подойдя поближе, Карло сразу понял, почему женщина не отвечала ему. Внутри его все сжалось. Из рта у женщины торчало полотенце, крепко прибинтованное к губам липкой лентой.

– О господи! – воскликнула старшая горничная.

Карло Диомеи смотрел на женщину во все глаза, силясь сообразить, что же здесь происходит. Может, это какая-нибудь странная интимная игра? Может, ее муж, любовник или все равно кто прячется в ванной? Лежащая на кровати голая женщина умоляюще смотрела на него.

Карло подбежал к ванной, рывком распахнул дверь, но там никого не оказалось. За долгие годы работы управляющим он перевидал всякое. Ему не раз приходилось, фигурально выражаясь, разгребать дерьмо. Но сейчас впервые в жизни, несмотря на богатый опыт, он растерялся. Что делать? Они помешали какой-то извращенной сексуальной игре или здесь творится что-то другое?

Женщина продолжала испуганно смотреть на него. Карло вдруг застыдилась ее наготы. Преодолев стыд, попытался оторвать от ее губ липкую ленту, но, едва он нерешительно дернул ее, женщина отчаянно завертела головой. Ясно, ей больно. Но Карло был уверен в том, что ленту надо снять. Надо поговорить с ней. Стараясь дергать как можно бережнее, он оторвал ленту и вынул изо рта у женщины кляп.

Она что-то невнятно пробормотала и разрыдалась.

8

1 января, четверг

Давно уже Рой Грейс так хорошо себя не чувствовал в первый день нового года. Если не считать тех разов, когда он дежурил по городу, новый год всегда начинался со страшной головной боли и всепоглощающего чувства предопределения, которым сопровождалось похмелье.

Особенно сильно он напивался в первые годы после исчезновения Сэнди. Тогда близкие друзья Дик и Лесли Поуп заявляли, что слышать ничего не желают, и приглашали его встречать Новый год к себе. От Сэнди он словно бы унаследовал нелюбовь к новогодним праздникам.

Но последний Новый год в корне отличался от всех предыдущих. Прошлая ночь оказалась самой трезвой и самой приятной из всех предновогодних ночей в его жизни.

Во-первых, Клио обожала встречать Новый год. По иронии судьбы она была беременна, и потому ей нельзя было пить. Но Грейс ничего не имел против. Ему просто было хорошо с ней. Он радовался не только предстоящему году, но и их совместному будущему.

А еще он тихо, про себя, радовался, что кисло-сладкая Элисон Воспер больше не будет почти каждый день портить ему настроение. Он с нетерпением ждал понедельника, когда увидит нового начальника, помощника главного констебля Питера Ригга.

Судя по тому, что ему удалось узнать о новом начальнике, Питер Ригг был педантом, сам любил принимать активное участие в следствии и терпеть не мог дураков.

К его облегчению, в Суссекс-Хаус, штаб-квартире уголовной полиции Суссекса, утро выдалось тихим. Грейс успешно поработал с документами, попутно просматривая на компьютере сводки происшествий в Брайтоне и Хоуве.

Как и следовало ожидать, сообщалось о нескольких инцидентах в барах, пабах и ночных клубах. В основном драки и мелкие кражи. Несколько незначительных дорожных происшествий, преступление на бытовой почве (семейная драка), жалоба от соседей на шумную вечеринку, пропавшая собака, украденный мопед. А еще сообщение о том, что по Вестерн-Роуд бежит голый мужчина. И вот наконец что-то серьезное. Изнасилование в шикарном отеле «Метрополь». Сообщение поступило совсем недавно, в 12.55.

В полиции насильников делят на четыре категории: посторонний, знакомый, кавалер и сожитель. В сводке не сообщалось, к какой категории относится последнее изнасилование. Накануне Нового года некоторые мужчины напиваются в хлам и насилуют своих невест или сожительниц. Судя по всему, данное изнасилование подпадает под две последние категории. Преступление достаточно серьезное, но все же не такое, чтобы задействовать отдел особо тяжких преступлений.

Через двадцать минут Грейс уже собирался перейти дорогу и купить себе в супермаркете, который служил для сотрудников уголовного розыска чем-то вроде филиала столовой, сэндвич на обед. И вдруг заверещал внутренний телефон.

Звонил Дэвид Алкорн, инспектор уголовной полиции, которого Грейс хорошо знал и любил. Алкорн сидел в оживленном полицейском участке на Джон-стрит, где и сам Грейс провел немало времени в начале своей службы, до того как его перевели в Суссекс-Хаус.

– С Новым годом тебя, Рой! – как всегда, ехидно поздравил его Алкорн. Судя по его тону, ничего хорошего Грейса не ждало.

– И тебя тоже, Дэвид. Как встретил?

– Да в общем нормально. Всухую только, потому что в семь уже надо было быть на службе. А ты?

– Тихо, но мило... спасибо.

– Рой, решил тебя предупредить. Похоже, в «Метрополе» орудовал посторонний насильник.

Алкорн наскоро сообщил Грейсу подробности. Дежурный управляющий отелем вызвал наряд полиции, а те сообщили в уголовный розыск. Сейчас жертва, которую сопровождает сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями (ОБСП), едет в недавно открытую специализированную лабораторию при Центре помощи жертвам сексуального насилия в Кроли, городке, расположенном в географическом центре Суссекса.

Пока Алкорн рассказывал, Грейс наскоро записывал подробности в блокнот.

– Спасибо, Дэвид, – сказал он. – Держи меня в курсе. И сразу звони, если понадобится помощь нашего отдела.

Последовала недолгая пауза; Грейс на расстоянии почувствовал нерешительность инспектора.

– Рой, не хочу тебя расстраивать, но возможны политические осложнения. Дельце-то щекотливое.

– Вот как?

– Вчера ночью жертва была в «Метрополе» на званом вечере. Мне сообщили, что там же присутствовало много полицейского начальства.

– Кто конкретно?

– Для начала – главный констебль с женой.

Вот проклятье, подумал Грейс, но вслух ничего не сказал.

– Кто еще?

– Заместитель главного констебля. И один помощник главного констебля. Понимаешь, к чему я клоню?

Грейс понимал, к чему клонит его собеседник.

– Может, послать в помощь ОБСП кого-нибудь из наших? Как считаешь? Для формальности.

– По-моему, ты отлично придумал.

Грейс быстро прикинул все варианты. Больше всего его сейчас беспокоил новый начальник. Если помощник главного констебля Питер Ригг в самом деле педант, значит, придется действовать очень осмотрительно – и не забыть прикрыться со всех сторон.

– Ладно. Спасибо, Дэвид. Прямо сейчас кого-нибудь пошлю. А пока... Не достанешь мне список всех, кто был на той вечеринке?

– Он уже у меня.

– И всех постояльцев, которые там остановились, плюс персонал – насколько я понимаю, на новогоднюю ночь всегда нанимают кого-нибудь дополнительно.

– А как же! – ответил Алкорн с едва заметным раздражением. Как Грейс посмел усомниться в его профессионализме?

– Конечно. Извини.

Едва закончив разговор, он позвонил констеблю Эмме Джейн Бутвуд, одной из немногих его подчиненных, которая сегодня была на службе. Вместе с несколькими другими сотрудниками она разбиралась с горами документов, которые затребовало начальство по операции «Нептун», крупному и неприятному делу о торговле человеческими органами, которое он раскрыл за несколько недель до Рождества.

Эмме Джейн понадобилось всего несколько минут, чтобы прийти к нему в кабинет. Она слегка прихрамывала – еще не совсем оправилась после тяжелой травмы, которую получила во время погони прошлым летом, когда ее придавило фургоном к стене. Несмотря на множественные переломы и операцию по удалению селезенки, она досрочно выписалась из больницы и не стала отсиживаться дома, а почти сразу вышла на работу.

– Привет, Эмма Джейн, – сказал Грейс. – Садись!

Грейс только начал посвящать молодую сотрудницу в подробности, которые сообщил ему Дэвид Алкорн, и объяснять всю щекотливость дела, как снова зазвонил внутренний телефон.

– Рой Грейс, – ответил он, поднимая палец и призывая Эмму Джейн подождать.

На другом конце линии послышался живой и дружелюбный голос человека, судя по выговору закончившего дорогую частную школу.

– Здравствуйте, суперинтендент уголовной полиции Грейс! Говорит Питер Ригг.

«Проклятье!» – выругался про себя Грейс.

– Здравствуйте, сэр, – ответил он. – Очень... м-м-м... рад слышать ваш голос. Думал, что вы приступаете к работе с понедельника, сэр.

– А что? Вас что-то не устраивает?

Ах ты, господи, подумал Грейс. Сердце у него упало. Новый год едва начался, а у них уже первое тяжкое преступление. И новый помощник главного констебля еще не успел официально выйти на работу, как Грейс уже ухитрился его оскорбить.

Эмма Джейн сидела наострив уши и глядя на него во все глаза.

– Нет-нет, сэр, что вы! Наоборот, очень кстати. У нас, похоже, тяжкое преступление. Правда, судить пока рано, но, возможно, дело получит нежелательную огласку.

Грейс подал знак Эмме Джейн, что хочет остаться один. Та вышла, закрыв за собой дверь.

Он подробно рассказал Риггу обо всем, что случилось. К счастью, новый помощник главного констебля продолжал говорить с ним по-дружески.

Когда Грейс закончил, Ригг сказал:

– Насколько я понимаю, вы лично поедете на место?

Рой не знал, как ответить. В Кроли работают опытные профессионалы; на данном этапе ему нет необходимости ехать туда лично. Гораздо важнее находиться здесь, в кабинете, разбираться с бумагами и следить за ходом дела по телефону – если нужно, ускорять процесс. Но он решил, что новый начальник хочет услышать от него совсем другое.

– Да, сэр, немедленно выезжаю, – ответил Грейс.

– Отлично! Держите меня в курсе.

Грейс пообещал.

Повесив трубку, он задумался. Открылась дверь, и Грейс увидел угрюмую физиономию и бритый череп сержанта уголовной полиции Гленна Брэнсона. Его глаза на фоне черной кожи казались усталыми и какими-то вялыми, как у снулой рыбы. Клио учила его ни в коем случае не покупать на рыбном рынке рыбу с такими глазами.

– Здорово, старичок! – сказал Брэнсон. – Как думаешь, новый год будет не таким дерьмовым, как прошлый?

– Даже не надейся, – ответил Грейс. – Лучше не будет, будет только хуже. Нам с тобой остается только одно: научиться мириться с этим фактом.

– Вижу, ты сегодня прямо бодрячок-оптимист. – Брэнсон, сгорбившись, плюхнулся на место, которое совсем недавно освободила Эмма Джейн.

Даже коричневый костюм, яркий галстук и кремовая рубашка Брэнсона выглядели мятыми, усталыми – снулыми. Грейс тревожился за друга. Обычно Гленн Брэнсон следил за одеждой, но недавно он развелся и с тех пор сильно сдал.

– Лично для меня прошлый год был не лучшим. В середине года меня чуть не подстрелили, а под конец вышвырнула из дома жена.

– А ты посмотри на все с другой стороны. Ты не умер и выкинул мои пластинки.

– Вот спасибо так спасибо!

– Хочешь прокатиться? – спросил Грейс.

Брэнсон пожал плечами:

– Прокатиться? Всегда пожалуйста. Куда?

Ответить Грейсу помешал мобильник. Дэвид Алкорн сообщал новые подробности:

– Рой, возможно, это важно. По словам жертвы, у нее кое-что пропало. Судя по всему, насильник взял. Он унес ее туфли... – Алкорн помолчал. – Что-то такое у нас было несколько лет назад, припоминаешь?

– Да, но тот брал только одну туфлю и трусики, – ответил Грейс неожиданно тихо. – Что еще у нее пропало?

– Из нее пока особо много не вытянешь. Она в шоке.

Ничего удивительного, мрачно подумал Грейс. Взгляд произвольно упал на одну из синих коробок на полу – в ней лежит нераскрытое дело Туфельщика. Он задумался.

Туфельщик орудовал двенадцать лет назад. Может, сейчас это просто совпадение?

И все же по спине пробежал неприятный холодок.

9 1997

25 декабря, четверг

Они куда-то ехали. Рейчел Райан слышала ровный, монотонный гул мотора и дышала выхлопными газами. Шины шуршали по мокрому гудрону. Ее трясло и подбрасывало на колдобинах и выбоинах. Она лежала на мешке; руки были связаны за спиной. Она не могла ни пошевелиться, ни заговорить. Впереди, над водительским креслом, виднелась бейсболка. Из-под бейсболки торчали уши.

Рейчел застыла от холода и ужаса. В горле пересохло; голова ужасно болела от удара. Все тело саднило. А еще ее тошнило от отвращения. Она казалась себе грязной, запачканной. Очень хотелось вымыться в душе, горячей водой, с мылом и шампунем. Хотелось отчиститься и снаружи и изнутри.

Микроавтобус повернул. Рейчел увидела свет. Серый свет. Утро Рождества. В это время она должна была находиться в своей квартире и рассматривать подарки в чулке, который послала ей мать. Каждый год, и в детстве, и сейчас, в двадцать два года, она получала от мамы рождественский чулок с подарками.

Рейчел заплакала. Она слышала, как шуршат по стеклу «дворники». Вдруг по радио громко, хоть и с помехами, заиграла «Свеча на ветру» Элтона Джона. Она видела, как голова водителя покачивается в такт музыке.

Элтон Джон пел эту песню на похоронах принцессы Дианы – на новые стихи. Рейчел так живо помнила тот день! Она, в числе сотен тысяч других, пришла к Вестминстерскому аббатству и слушала певца, наблюдая за церемонией по огромному телемонитору. Ночь она провела на улице, а накануне истратила львиную долю своего недельного жалованья – она работала в справочной отдела связи с потребителями «Америкэн экспресс» – на букет цветов. Свой букет она, вместе с тысячами других, принесла к Кенсингтонскому дворцу.

Тогда она боготворила принцессу. В тот день, когда погибла Диана, в ней самой что-то умерло.

Микроавтобус резко затормозил, остановился, и ее швырнуло вперед. Она в очередной раз попробовала пошевелить руками и ногами, которые затекли. Но они были стянуты очень туго.

Сегодня Рождество; родители ждут, что она приедет к ним, они вместе выпьют шампанского, пообедают, а потом послушают речь королевы. Это такая же ежегодная традиция, как рождественский чулок с подарками.

Ей нужно помочиться – один раз она уже обмочилась. Больше так делать нельзя. Послышался звонок ее мобильного; она узнала рингтон «нокии». Похититель на секунду повернул голову, а потом снова стал смотреть вперед. Микроавтобус покатил дальше. Через залитое дождем ветровое стекло она увидела, как мимо проплыл светофор с зеленым сигналом, потом слева промелькнули знакомые здания. «Гамли», магазин игрушек. Они на Черчроуд, в Хоуе. И двигаются в западном направлении.

Телефон перестал звонить. Через несколько секунд послышался гудок – ей пришла эсэмэска.

От кого?

От Трейси и Джейд?

Или от родителей, которые поздравляют ее с Рождеством? Маме не терпится узнать, понравились ли ей подарки.

Скоро ли они начнут волноваться?

О боже! Да кто он такой, этот насильник?!

Когда микроавтобус резко повернул вправо, ее швырнуло влево. Потом он повернул налево. Еще раз повернул. И остановился.

Песня закончилась. Бодрый мужской голос начал рассказывать о том, где проводит Рождество замечательный Элтон Джон.

Похититель вышел из кабины, но мотор не заглушил. От выхлопных газов и страха Рейчел еще сильнее затошнило. Отчаянно хотелось воды.

Потом он вернулся и снова сел за руль. Они поехали вперед, в сгущающийся мрак. Наконец остановились; мотор затих. Целую минуту длилась абсолютная тишина, потому что радио теперь тоже молчало. Похититель куда-то ушел.

С металлическим лязгом захлопнулась водительская дверца.

Снова послышался лязг – вырубился весь свет.

Рейчел лежала в полной темноте и скулила от страха.

10

26 декабря, пятница

Нарядный, довольный собой, в модном красном галстуке с орнаментом «индийский огурец», который подарила ему вчера Сэнди на Рождество, Рой прошел мимо двери слева с табличкой «Суперинтендент» и двери справа с табличкой «Старший суперинтендент». Рой часто думал: станет ли он когда-нибудь старшим суперинтендентом?

Утром второго дня Рождества все здание как будто вымерло. Здесь не было никого, кроме сотрудников, которые входили в следственную группу по операции «Гудини». Все они собрались в конференц-зале на верхнем этаже. Несмотря на праздники, они работали круглые сутки, пытаясь поймать серийного насильника, которому дали кличку Туфельщик.

Дождаясь, пока закипит чайник, Рой задумался о фуражке старшего суперинтендента. От фуражек более низших рангов ее отличает серебряная ленточка – очень желанная. Рой гадал: хватит ли ему сообразительности возвыситься до такого звания? Вряд ли.

За годы жизни с Сэнди Рой понял про нее одно: Сэнди любила, чтобы окружающий мир соответствовал ее ожиданиям, а если что-то не получалось так, как хотелось, она быстро теряла терпение. Порой она взрывалась – либо официант слишком медленно их обслуживал, либо продавец. Эти вспышки раздражительности очень огорчали Рою. Правда, он и полюбил ее отчасти из-за вспыльчивости. Сэнди готова была пойти на что угодно ради успеха и не признавала слово «поражение». Вот почему она часто теряла самообладание.

Но для этого была и серьезная причина. Несмотря на то что они испробовали все способы лечения бесплодия и очень хотели ребенка, у них по-прежнему ничего не получалось.

Мурлыча себе под нос слова песни Эрика Клэптона «Измени мир» – песня неизвестно почему крутилась у него в голове с самого утра, – Рой Грейс отнес кружку с кофе на свой стол. Он сидел в пустом общем зале на третьем этаже полицейского участка на Джон-стрит. Ряды столов, разделенных перегородками, блекло-синее ковровое покрытие на полу, забитые ящички для писем... Из окон открывался вид на белые стены и блестящие синие окна штаб-квартиры «Америкэн экспресс». Грейс включил компьютер и в ожидании, пока загрузится система, выпил кофе, а потом стал мечтать о сигарете, тихо проклиная запрет на курение, который недавно ввели во всех полицейских участках.

Как всегда, под Рождество сотрудники попытались немного оживить казенную обстановку. С потолка свисали бумажные гирлянды. Перегородки украшал золотой дождик. На нескольких столах лежали поздравительные открытки.

Сэнди совсем не обрадовалась тому, что муж уже второе Рождество за три года проводит на дежурстве. Как она совершенно справедливо заметила, для работников полиции рождественская неделя самая паршивая. Даже самые закоренелые преступники, опустившиеся пьяницы и наркоманы сейчас сидят по домам, в своих логовах.

Правда, под Рождество чаще случаются внезапные смерти и самоубийства. Праздники – хорошая пора для тех, у кого много друзей и родных. А для людей одиноких, особенно пожилых и бедных, для тех, кому не хватает денег даже на то, чтобы как следует отапливать свои дома, праздники – время унылое, ненавистное. Зато под Рождество меньше совершается тяжких преступлений, дающих честолубивому двадцатидевятилетнему сержанту уголовной полиции продемонстрировать свои способности и добиться того, чтобы коллеги и начальство его заметили.

Как только на мониторе показались первые сводки, зазвонил телефон.

Это была диспетчер из центра приема сообщений дежурной части.

– Привет, Рой. С Рождеством тебя!

– И тебя тоже, Дорин, – ответил он.

– Возможно, у нас тут без вести пропавшая, – сказала Дорин. – Рейчел Райан, двадцати двух лет, рассталась с подругами в канун Рождества на стоянке такси на Ист-стрит и пошла домой пешком. Она не приехала к родителям на традиционный рождественский обед и не отвечает ни по городскому, ни по мобильному телефону. Родители вчера в три часа дня поехали к ней домой на Истерн-Террас в Кемптауне, но она им не открыла. По их словам, такое поведение совсем не свойственно их дочери. Они очень волнуются.

Грейс записал адрес Рейчел Райан и ее родителей и сказал Дорин, что берет дело на себя.

Обычно, получив звонок о том, что кто-то пропал без вести, полиция не спешит действовать, если только пропал не ребенок, не старик и не человек из группы риска. Часто тех, кого считают пропавшими, благополучно возвращаются домой. Но поскольку сегодня день обещал быть спокойным, Рой решил, что, чем сидеть на стуле, лучше заняться делом.

Он направился в другой конец общего зала. Там сидел сержант Норман Поттинг – один из немногих сотрудников уголовной полиции, который сегодня вышел на службу. Поттинг был лет на пятнадцать старше Грейса; он с трудом дослужился до сержанта, а на дальнейшее повышение и не надеялся. Отчасти начальство не любило его из-за немодных неполиткорректных взглядов, отчасти из-за беспорядочной семейной жизни, а отчасти из-за того, что он, как многие сотрудники полиции, в том числе покойный отец Роя Грейса, предпочитал работать на переднем крае, а не взваливать на себя бюрократические обязанности, которые давались в нагрузку к повышению. Грейс был одним из немногих, кому Поттинг нравился. Он любил слушать «военные рассказы» старшего коллеги. Ему казалось, что у Поттинга есть чему поучиться; кроме того, он немного жалел Поттинга.

Поттинг сосредоточенно тыкал в клавиатуру указательным пальцем. Грейс встал у него за спиной.

– Чтобы эти новые технологии пр-рвалились. – Как истый уроженец Девоншира, Поттинг сильно картавил. От него разило табаком. – Был на двух уроках и все равно ни черта не смыслу! И чем не угодила старая система, к которой мы все привыкли?

– Это называется «прогресс», – сказал Грейс.

– Р-р-р! Пр-рогресс! Типа того, что теперь в полицию берут кого угодно?

Сделав вид, что не услышал последних слов Поттинга, Грейс продолжил:

– Тут сообщили о пропавшей без вести. Что-то мне это дело не очень нравится. Ты сейчас занят? А то, может, съездим туда на всякий случай, наведем справки?

Поттинг с трудом поднялся на ноги.

– Я готов ехать куда угодно, только бы избавиться от этой каторги, как говаривала моя старая тетушка, – ответил он. – Ну как, Рой, хорошо провел Рождество?

– Ответ короткий: я провел его дома.

– У тебя хотя бы есть дом, – угрюмо буркнул Поттинг.

– А что?

– Я живу в комнатухе на двоих. Она меня вышвырнула, понял? Ничего смешного, когда желаешь детям счастливого Рождества по телефону-автомату в коридоре. И лопаешь перед телевизором готовый обед в коробке из супермаркета.

– Мне очень жаль, – ответил Грейс. Ему правда было жаль.

– Знаешь, Рой, что общего между бабой и ураганом?

Грейс покачал головой.

– Когда они на тебя нападают, они влажные и дикие. Когда уходят, то забирают твой дом и машину.

Грейс принужденно улыбнулся, чтобы не огорчать коллегу.

– Тебе-то хорошо, ты счастлив в браке. Желаю удачи! Только берегись, – продолжал Поттинг. – Берегись того дня, когда они начинают смотреть налево. Поверь мне, я ведь уже

второй раз развожусь, чтоб им всем пусто было! Надо было с первого раза запомнить. Бабы считают полицейских чертовски сексуальными, пока не выходят за них замуж. Потом-то они понимают, что мы не те, за кого они нас принимали. Тебе повезло, если твоя считает по-другому.

Грейс кивнул, но ничего не сказал. Слова Поттинга были неприятно близки к истине. Он никогда не интересовался оперой. Но недавно Сэнди потащила его на спектакль любительского оперного кружка, на комическую оперу Гилберта и Салливана «Пираты Пензанса». Когда исполняли «Доля полицейского – не сахар», Сэнди то и дело тыкала его в бок.

Потом она, словно поддразнивая, спросила, согласен ли он с этими словами.

Рой ответил: нет, все не так. Он очень доволен своей долей.

Позже, в постели, Сэнди прошептала: наверное, в песенке нужно поменять слова. Лучше уж петь: «Доля жены полицейского – не сахар».

11

Наши дни

1 января, четверг

В окнах нескольких домов жилой улицы за больницей горели рождественские лампы; на парадных дверях висели венки. Скоро их уберут до следующего года, с грустью подумал Грейс. Он замедлил шаг, когда они подошли к приземистому многоэтажному бетонному зданию больницы Кроли. Ему нравились волшебные чары, которые накладывали на мир рождественские праздники, даже если в праздники приходилось работать.

Несомненно, в солнечный день под голубым небом здание больницы выглядело куда внушительнее и больше соответствовало замыслу архитектора, чем в дождливое январское утро. Грейс подумал: наверное, архитектору и в голову не пришло, что половину окон закроют уродливыми жалюзи, что рядом будет забитая машинами стоянка, что повсюду натыкают разномастные указатели, а на стенах появятся пятна от дождя и плесени.

Обычно Гленн Брэнсон любил запугивать Роя, демонстрируя свои водительские навыки, но сегодня он уступил ему руль, чтобы, не отвлекаясь, рассказать, как паршиво у него прошла рождественская неделя. Семейные отношения Гленна, вконец испорченные незадолго до Рождества, стали еще хуже в самый праздник.

Он и без того злился на жену, Эри, за то, что та поменяла все замки в доме. Еще больше он взбесился утром на Рождество, когда приехал с подарками для двоих детишек, а Эри даже на порог его не пустила. До того как поступить в полицию, Гленн служил вышибалой в ночном клубе и обладал недюжинной силой; он вышиб дверь ногой. Его худшие подозрения подтвердились. В его доме, под его елкой сидел любовник жены и играл с его детьми!

Эри тут же вызвала полицию; Гленн едва успел сбежать. Попадись он патрулю из Восточного Брайтона, и на карьере можно было бы ставить жирный крест.

– Вот что бы ты сделал на моем месте? – спросил Гленн.

– Наверное, то же самое. И все равно – неладно получается.

– Ага... – Помолчав, Гленн продолжил: – Ты прав. Но когда я увидел, как этот сволочной инструктор по фитнесу играет в игровую приставку с моими – понимаешь, с моими! – детьми, мне захотелось снести ему башку и поиграть ею в баскетбол!

– Приятель, придется тебе как-то сдерживаться. Не хочу, чтобы из-за какого-то сволочного инструктора по фитнесу твоя карьера пошла под откос.

Брэнсон посмотрел в лобовое стекло. На улице шел дождь. Он без выражения произнес:

– А какая разница? Мне теперь все равно.

Брэнсон, умный и добродушный человек-гора, был одним из лучших друзей Роя Грейса. Они познакомились несколько лет назад, когда Гленна только приняли констеблем в уголовную полицию. Брэнсон часто напоминал Грейсу его самого – энергичный, честолюбивый. Кроме того, Гленн обладал главным качеством, необходимым для того, чтобы стать хорошим полицейским, – высоким коэффициентом эмоционального интеллекта. С самых первых дней работы Брэнсона в уголовной полиции Грейс стал его наставником. Но сейчас, когда семейная жизнь друга распадалась и он с трудом удерживался в рамках, он был опасно близок к тому, чтобы потерять работу.

А еще он был опасно близок к тому, чтобы поломалась их дружба. Последние несколько месяцев Брэнсон обитал в доме Грейса на набережной Хоува. Грейс ничего не имел против, поскольку сам теперь жил в доме Клио, в ее таунхаусе в центре Брайтона, в районе

Норт-Лейн. Ему не нравилось, что Брэнсон роется в его драгоценной коллекции пластинок и постоянно критикует его музыкальные пристрастия.

Вот как сейчас.

Лишенный машины – обожаемая «альфа-ромео» была уничтожена несколько месяцев назад во время погони и сейчас служила предметом нескончаемых тяжб со страховой компанией, – Грейс вынужден был ездить на служебных автомобилях. Он совсем недавно научился управляться с айподом, который Клио подарила ему на Рождество, и радовался, что с помощью этой штучки можно проигрывать любимую музыку в любой аудиосистеме. По пути Грейс похвастался другу своими достижениями.

– Это еще кто? – вдруг спросил Брэнсон, прислушавшись.

– Лора Марлинг¹.

Брэнсон немного послушал и воскликнул:

– Она такая вторичная!

– На кого она похожа?

Брэнсон пожал плечами.

– Мне она нравится, – вызывающе заметил Грейс.

Они молча слушали еще несколько минут. Потом Грейс увидел пустое место на стоянке и крутанул руль.

– У тебя слабость к женщинам-вокалисткам, – заметил Брэнсон. – Вот в чем твоя проблема.

– Знаешь, она мне в самом деле нравится.

– Жалко мне тебя.

– Клио она тоже нравится, – возразил Грейс. – Она сама мне подарила диск Марлинг на Рождество. Хочешь, я ей передам, что ты и ее жалеешь?

Брэнсон поднял вверх большие руки:

– Придержи лошадей!

– Вот именно. Придержи лошадей!

– Респект! – сказал Брэнсон, но его голос был тихим и совсем невеселым.

Все три места, зарезервированные под полицейские машины, оказались заняты, но, поскольку сегодня был выходной, на стоянке было достаточно свободных мест. Грейс заехал в бокс, выключил зажигание, и друзья поспешили к боковому входу.

– Вы с Эри когда-нибудь ссорились из-за музыки? – спросил по пути Грейс.

– А что? – насторожился Брэнсон.

– Я просто так спросил.

Почти никто из посетителей больничного комплекса не обращал внимания на маленький белый указатель, на котором синими буквами было написано: «Центр «Сатурн». Стрелка указывала на узкую дорожку, идущую вдоль больничной ограды и окаймленную с другой стороны кустами. Судя по ее виду, дорожка могла вести и к мусорным бакам.

На самом деле стрелка указывала путь к первому в Суссексе Центру помощи жертвам сексуального насилия. Центр, недавно открытый главным констеблем, как и другие такие же центры по всей Англии, знаменовал собой перемену отношения к жертвам изнасилования. Еще совсем недавно – Грейс прекрасно это помнил – травмированным женщинам приходилось обращаться за помощью в полицейские участки, где их, ухмыляясь, допрашивали циничные сотрудники-мужчины. Хорошо, что в наши дни все по-другому.

В центре с жертвами, которым очень тяжело, занимаются специально подготовленные сотрудники полиции и психологи одного с ними пола. Настоящие профессионалы делают

¹ Марлинг Лора (р. 1990) – английская исполнительница фолк-рока, автор песен, певица и гитаристка.

все возможное, чтобы утешить несчастных и успокоить их. Но это лишь половина дела. Сотрудники делают все от них зависящее, чтобы истина в конце концов восторжествовала.

Сложность в данном случае состоит в том, что местом преступления, которое надо обследовать, является сама жертва. Одежда и тело жертвы зачастую содержат важные улики или следы улик. Решающее значение, как и в раскрытии тяжких преступлений другого рода, имеет время. Многие жертвы изнасилования обращаются в полицию через несколько дней, месяцев, а то и лет, а некоторые и вовсе не обращаются, не желая заново переживать самые мучительные мгновения в своей жизни.

Брэнсон и Грейс быстро прошли мимо черного мусорного контейнера, мимо ряда конусов, какие расставляют на дорогах сотрудники транспортной полиции, и позвонили у входа. Через несколько секунд дверь открылась. Лицо женщины, которая их встретила, показалось Грейсу знакомым, вот только как ее зовут, он напрочь забыл.

– С Новым годом, Рой! – сказала сотрудница центра.

– И тебя тоже! – ответил он бодро. И вдруг вспомнил: – Гленн, это Бренда Киз. Бренда, это сержант уголовной полиции Гленн Брэнсон. Мы с ним вместе работаем в особо тяжких...

– Рада с вами познакомиться, сержант, – улыбнулась Бренда.

Бренда Киз прошла курс спецподготовки. Она опрашивала жертв изнасилования в Брайтоне и других городах Суссекса еще до того, как основали центр «Сатурн». Сотрудники центра должны были одеваться неброско и консервативно. Так сегодня была одета и Бренда: черные свободные брюки, серый свитер с V-образным вырезом поверх блузки. Такая одежда очень шла ее доброму, умному лицу. Каштановые волосы она стригла коротко и носила сильные очки.

Грейс вдруг подумал: здесь и с закрытыми глазами ясно, что находишься в ином мире. Все здесь словно приглушено, сюда не проникают раздражающие звуки.

За закрытыми сосновыми дверями раскинулся целый лабиринт комнат. Посередине располагалась приемная; ковровое покрытие здесь было бежевого цвета. На кремовых стенах висели в рамочках яркие художественные фото знакомых суссекских пейзажей – пляжные зонтики на набережной Хоува, ветряные мельницы в Клейтоне, Брайтонский пирс. Все очень продуманно. Как будто пациентов призывали забыть об ужасах, которые им довелось пережить.

Они расписались в журнале, и Бренда Киз наскоро ввела их в курс дела. Пока она рассказывала, открылась дверь, и из нее высунулась женщина-констебль плотного телосложения. На голове у нее дыбились короткие черные волосы – как будто она сунула пальцы в розетку. Широко улыбнувшись, она представилась:

– Констебль Роулэнд, сэр! Вы суперинтендент Грейс?

– Да... а это сержант Брэнсон.

– Они в комнате номер один – только что начали. Констебль уголовной полиции Уэстмор беседует с жертвой, а сержант Робертсон наблюдает. Хотите зайти в комнату наблюдения?

– Нас ведь двое. Места хватит?

– Я принесу еще стул. Попить хотите?

– Я бы выпил кофе, – ответил Грейс. – Черного, без сахара.

Брэнсон попросил диетическую колу.

Следом за констеблем они прошли по коридору мимо дверей с табличками: «Смотровая», «Конференц-зал» и «Комната для интервью».

Роулэнд открыла еще одну дверь, и они вошли. Комната наблюдения оказалась довольно тесной; вдоль одной стены тянулась узкая белая консоль, на которой были закреплены несколько компьютеров. На стене висел плоский монитор. Изображение передава-

лось на него с видеокамер из соседнего помещения. За столом сидел бритый светловолосый парень – сержант, который первым приехал в отель «Метрополь» по вызову управляющего. Перед ним лежал раскрытый блокнот и стояла бутылка воды с отвинченным колпачком. Серый костюм с малиновым галстуком сидел на сержанте довольно мешковато; лицо у него было смертельно бледное. Сразу видно – человек с трудом борется с последствиями тяжелого похмелья.

Грейс представился, и они с Гленном сели. Для суперинтендента констебль Роулэнд вкатила массивное офисное кресло на колесиках.

Все смотрели на монитор. В маленькой комнатке без окон стояли синий диванчик, синий стул и маленький круглый столик, на котором помещалась большая коробка бумажных носовых платков. Ковровое покрытие в комнатке было безрадостным, темно-серым, а стены выкрашены холодной, грязновато-белой краской. Под потолком виднелись вторая камера и микрофон.

На диванчике, сгорбившись, обхватив себя руками, сидела испуганная женщина за тридцать, в белом махровом халате с вышитой буквой «М» на груди. Стройная, довольно симпатичная – на бледном лице потеки туши. Длинные рыжие волосы спутались, сбились на сторону.

Напротив нее за столом сидела констебль Клер Уэстмор, сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Она зеркалила позу жертвы: сидела в той же позе и тоже обнимала себя руками.

Сотрудники полиции выработали немало действенных способов, помогающих им добывать во время допросов важные сведения у жертв и свидетелей преступления. Они не должны раздражать их. Нельзя носить одежду, способную отвлечь свидетеля, например чересчур кричащий костюм или пиджак в полоску. Констебль Уэстмор с этой точки зрения была одета безупречно: неброская синяя блузка с открытым воротом под темно-синим свитером с V-образным вырезом, черные брюки и простые черные туфли. Волосы до плеч зачесаны назад и стянуты лентой. И никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки.

Очень важно – поставить жертву или свидетеля в главенствующее положение, чтобы они не чувствовали напряжения. Именно поэтому опрашиваемая – Никола Тейлор – расположилась на диванчике, а констебль заняла стул.

Далее, зеркальное копирование – еще один классический способ вызвать жертву на откровенность. Если копировать все действия и жесты объекта, можно добиться его полного расположения. Тогда он начинает сам копировать интервьюера, демонстрирует полное доверие к нему и раскалывается, если употреблять профессиональный жаргон.

Уэстмор, с едва заметным ливерпульским выговором, медленно и искусно старалась добиться ответа от молчаливой женщины. Грейс время от времени что-то записывал. Почти все жертвы изнасилования страдают от посттравматического стресса; из-за возбуждения они почти не способны сосредоточиться, сконцентрироваться. Уэстмор старалась как могла; она расспрашивала Николу Тейлор вначале о самых последних событиях и постепенно двигалась назад.

За долгие годы службы в полиции Грейс прослушал множество курсов по ведению допросов. Он знал – и говорил об этом своим подчиненным, – что «плохих» или «трудных» свидетелей не бывает. Бывают плохие дознаватели.

Но констебль Уэстмор, судя по всему, была настоящим профессионалом.

– Никола, вам, должно быть, очень трудно об этом говорить, – сказала она. – Но ваш рассказ поможет мне понять, что случилось, и помочь вам. Мы постараемся найти того, кто это с вами сделал. Если не хотите, сегодня можете ничего мне не говорить.

Женщина молча смотрела в одну точку и потирала руки. Ее трясло.

Грейсу стало отчаянно жаль ее.

Констебль Уэстмор тоже начала потирать руки. Через несколько секунд она спросила: – Насколько я поняла, вы пошли на праздничный ужин в «Метрополь» с друзьями? Молчание.

По щекам Николы Тейлор потекли слезы.

– Вы сегодня хотите мне что-нибудь рассказать?

Легкое движение головой, означающее отказ.

– Хорошо. Ничего страшного, – ответила Клер Уэстмор. Она немного посидела молча, а потом спросила: – Вы много выпили вчера за ужином?

Никола Тейлор снова покачала головой.

– Значит, вы не были пьяны?

– С чего вы взяли, что я была пьяна? – вдруг резко выпалила женщина.

Констебль Уэстмор улыбнулась:

– Иногда мы все позволяем себе лишнего. Я сама особенно не пью. Но перед Новым годом напиваюсь в стельку! Такая ночь бывает только раз в году.

Никола Тейлор посмотрела на свои руки.

– Значит, вот что вы про меня думаете? – тихо сказала она. – Что я напилась в стельку?

– Я здесь для того, чтобы вам помочь. Я не делаю никаких выводов, Никола.

– Я была трезва как стеклышко!

– Хорошо, хорошо.

Грейс обрадовался, увидев, что жертва реагирует. Хороший знак!

– Никола, я вас не осуждаю. Только хочу понять, что случилось. Поверьте, я в самом деле понимаю, как тяжело рассказывать про все, через что вам пришлось пройти, и я хочу помочь вам, чем только смогу. Но помочь я вам смогу только в том случае, если буду точно знать, что с вами случилось.

Долгая пауза.

Брэнсон отпил колу, Грейс хлебнул кофе.

– Никола, мы закончим беседу сразу, как только вы захотите. Если сейчас вы не в настроении, давайте отложим разговор до завтра, ничего страшного. Или до послезавтра. В общем, решайте сами. Я хочу вам помочь, только и всего.

Снова долгая пауза.

Вдруг Никола Тейлор выпалила:

– Туфли!

– Туфли?

Женщина снова замкнулась.

– Вы любите туфли, Никола? – наугад спросила констебль Уэстмор. Не дождавшись ответа, она непринужденно продолжила: – Красивая обувь – моя слабость! Перед Рождеством мы с мужем слетали в Нью-Йорк. Я чуть не купила себе сапожки «Фенди», хотя они стоили восемьсот пятьдесят долларов!

– У меня были туфли «Марк Джейкобс», – почти шепотом произнесла Никола Тейлор.

– Марк Джейкобс? Обожаю его туфли! – ответила констебль Уэстмор. – Их унесли вместе с вашей одеждой?

Еще одна долгая пауза.

Наконец Никола ответила:

– Он заставлял меня... вытворять кое-что с моими туфлями.

– Что именно? Попробуйте... попытайтесь мне рассказать.

Никола Тейлор снова расплакалась. Потом, то и дело прерываясь и плача, она начала рассказывать – подробно, но очень-очень медленно. Она часто надолго замолкала. Видимо, пыталась собраться с силами, но иногда не выдерживала; на нее накатывали приступы тошноты.

Гленн Брэнсон повернулся к Грейсу и подмигнул ему.

Грейс кивнул в ответ. Слушая рассказ жертвы, он напряженно думал. Сравнивал рассказ Николы Тейлор с подробностями нераскрытого дела в синем ящике на полу его кабинета, которое он перелистывал совсем недавно. Вспоминал 1997 год. Даты. Схемы. Почерк насильника. Вспоминал показания тогдашних жертв – некоторые из них он совсем недавно перечитывал и отлично помнил.

По спине, как совсем недавно, пробежал неприятный холодок.

12 1997

26 декабря, пятница

– Градусник говорит: «Сегодня!» – сказала Сэнди с тем самым блеском в голубых глазах, который всегда заводил Роя Грейса.

Они сидели перед телевизором и смотрели «Рождественские каникулы» с Чевии Чейзом. Просмотр комедии превратился у них в своего рода ритуал: вечером второго дня Рождества они всегда смотрели этот фильм. Обычно Рой громко смеялся над семейкой придурков, которые вечно попадают в самые идиотские ситуации. Но сегодня он молчал.

– Эй! – окликнула его Сэнди. – Сержант уголовной полиции! Ты меня слышишь?

Он кивнул и смял в пепельнице сигарету.

– Извини.

– Дорогой, надеюсь, ты сейчас думаешь не о работе? Забудь о ней хотя бы на сегодня. Нормального Рождества у нас не было, давай хотя бы порадуемся тому, что нам осталось. Давай придумаем что-нибудь особенное.

– Знаю, – ответил Рой. – Только...

– У тебя всегда «только», – ответила жена.

– Извини. Мне пришлось утешать людей, для которых в этом году не было ни Рождества, ни Дня рождественских подарков, понимаешь? Их дочь рассталась с подругами утром в Рождество, а к себе домой так и не вернулась. Родители вне себя. Я... обязан сделать для них... и для нее... все, что можно.

– Ну и что? Может, она сейчас трахается с каким-нибудь парнем, с которым познакомилась в ночном клубе.

– Нет. Такое на нее не похоже.

– Чтоб ты провалился, сержант Грейс! Ты сам говорил, что люди без конца звонят и говорят, что их близкие пропали. Только в одной Великобритании таких случаев двести тридцать тысяч в год! И большинство пропавших объявляются сами в течение месяца!

– А одиннадцать тысяч пятьсот человек не объявляются.

– Ну и что?

– Сейчас у меня дурное предчувствие.

– Твой сыщицкий нюх?

– Угу.

Сэнди погладила его по носу:

– Мне нравится твой нюх, сыщик! – Она поцеловала его в нос. – Сегодня нам надо заняться любовью. Я измерила температуру; похоже, у меня овуляция.

Рой Грейс широко улыбнулся и посмотрел жене в глаза. Когда после смены они с сослуживцами шли в бар напротив Центра предварительного заключения, разговоры неизменно крутились вокруг футбола, которым Грейс не интересовался, или вокруг женщин. Судя по признаниям коллег, все девушки делились на две части: на одних парни западали из-за больших сисек, на других – из-за ног. А вот Сэнди привлекла Роя Грейса не тем и не другим. Его заморозили ее голубые глаза.

Он вспомнил их первую встречу. Они познакомились через несколько дней после Пасхи; за месяц до того от рака кишечника умер его отец. Матери Грейса только что сообщили, что у нее рецидив рака груди. Сам Рой только что поступил на службу в полицию, и было ему так плохо – хуже некуда. Коллеги уговорили его присоединиться к ним и развлечься – сходить на собачьи бега.

Сам не помня как, он очутился на стадионе, где проходили бега борзых собак; напротив за столиком сидела красивая, оживленная девушка. Их познакомили, но ее имя он сначала не запомнил. Через несколько минут, поговорив с сидящим рядом парнем, девушка перегнулась через стол к Грейсу и сказала:

- Мне дали подсказку! Надо ставить на собаку, которая делает свои дела перед забегом!
- Хотите сказать, надо следить, которая из них полная дерьма?
- Очень остроумно. Вы, наверное, сыщик?
- Нет, – ответил Грейс, – пока нет. Но надеюсь им стать.

Поедая коктейль из креветок, он смотрел на собак, пока их выводили из загона. Собака под номером пять наложилась перед самым забегом огромную кучу. Когда к их столику подошла женщина, которая собирала ставки, девушка поставила пятерку на пятый номер, и Грейс, чтобы порисоваться, тоже поставил десятку, хотя проиграть ее ему было не по карману. Их фаворитка пришла к финишу последней, отстав от чемпионки на целых двенадцать корпусов.

На первом свидании, куда он пригласил Сэнди через три дня, он целовал ее в темноте под рокот прибоа возле брайтонского Дворцового пирса.

- Ты должна мне десятку, – сказал он тогда.

– По рукам! – ответила она. Порывшись в сумочке, она достала банкнот и засунула его ему в вырез рубашки.

Рой смотрел на Сэнди, сидящую перед телевизором. Она стала еще красивее, чем при их первой встрече. Он любил ее лицо, ее запах, ее волосы; он любил ее живость и ее ум. Ему нравилось, как она подчиняет себе жизнь, подминает все под себя. Конечно, Сэнди злилась, что он дежурил на Рождество, но она все понимала, потому что хотела, чтобы ее муж добился успеха.

Такой была его мечта. Их мечта.

Потом зазвонил телефон.

Сэнди сняла трубку, холодно сказала:

- Да, он здесь, – и передала трубку Рою.

Он выслушал, записал адрес на обороте поздравительной открытки и сказал:

- Буду через десять минут.

Сэнди пристально посмотрела на него и вытряхнула сигарету из пачки. Чеву Чейз на экране продолжал куролесить.

– Ради всего святого, сегодня же День рождественских подарков, второй день Рождества! – сказала она, нагибаясь за зажигалкой. – С тобой курить не бросишь!

– Постараюсь вернуться как можно скорее. Мне нужно допросить свидетеля... Один мужчина вроде бы видел, как рано утром какой-то тип затаскивал девушку в микроавтобус.

- А завтра его допросить нельзя?

– Как ты не понимаешь? Жизнь той девушки в опасности!

Сэнди криво улыбнулась:

- Что ж, иди, сержант Грейс. Иди спасай долбаный мир!

13 Наши дни

1 января, четверг

– Сегодня ты какой-то рассеянный. Что с тобой, любимый? – спросила Клио.

Рой Грейс сидел на большом красном диване в гостиной ее дома, переделанного из бывшего склада. У него на коленях расположился Хамфри, который рос и толстел не по дням, а по часам. Уютно свернувшись клубочком, черный щенок вцепился когтями в мешковатый свитер Грейса, как будто решил играючи распустить его, да так, чтобы хозяин ничего не заметил. Пока у Хамфри все получалось: Рой был настолько поглощен страницами дела «Операция «Гудини», что не обращал внимания, чем там занят щенок.

Первое сообщение о попытке изнасилования они получили 15 октября 1997 года. Поздно вечером в брайтонском районе Норт-Лейн кто-то напал на молодую женщину. Ее спас случайный прохожий, который выгуливал собаку. Нападавший сбежал, успев, однако, украсть одну ее туфлю. К сожалению, следующая попытка оказалась успешной. В конце октября в Гранд-отеле проходила вечеринка по случаю Хеллоуина. Одну гостью в коридоре схватил мужчина, переодетый женщиной. Жертву нашли лишь на следующее утро в запечатом номере. Она лежала на кровати связанная, с кляпом во рту.

Клио, свернувшаяся на диване напротив, читала книгу «Античная философия» – она училась заочно в Открытом университете и готовилась к экзамену. Вокруг валялись листочки, испещренные ее записями и обклеенные желтыми закладками. Она надела шерстяные черные легинсы и закуталась в верблюжье пончо. Длинные светлые волосы падали ей на лицо, так что каждые несколько минут она отбрасывала их назад. Грейс всегда любил наблюдать, как она это делает.

Клио поставила в проигрыватель диск Руарри Джозефа; телевизор тоже был включен, но без звука; шел фильм «Шаровая молния» с Шоном Коннери в роли Джеймса Бонда. Коннери сжимал в объятиях какую-то красотку. Всю прошлую неделю Клио обедалась королевскими креветками в остром соусе; вот и сегодня они заказали еду с доставкой на дом – и снова карри. Уже в четвертый раз за пять дней! Грейс ничего не имел против карри, но сегодня решил дать желудку отдохнуть и выбрал блюдо попроще – курицу тандури.

На столе стоял большой новый аквариум с золотой рыбкой – Грейс подарил его Клио на Рождество взамен прежнего, разбитого в прошлом году незванным гостем. Обитательница аквариума, которую Клио назвала Рыбка-Два, деловито обследовала водоросли и миниатюрный подводный греческий храм, иногда совершая резкие неожиданные броски. Рядом с аквариумом лежала стопка из трех книг – их подарил Грейсу на Рождество Гленн Брэнсон. «Сто подсказок мужу, как пережить беременность жены», «Будущий папочка» и «Ты тоже ждешь ребенка, приятель!».

– Все со мной нормально. – Грейс улыбнулся.

Клио улыбнулась ему в ответ, и вдруг он почувствовал такое всепоглощающее счастье и безмятежность, что ему захотелось остановить часы, а вместе с ними и время. Пусть этот миг длится вечно!

«Хочу побыть с тобой», – пел Руарри Джозеф, подыгрывая себе на акустической гитаре. «Да, – подумал Грейс, – я тоже хочу побыть с тобой, моя дорогая Клио. С тобой одной».

Ему хотелось вечно сидеть здесь, на этом диване, в этой комнате, смотреть на любимую женщину, которая носит под сердцем их ребенка, и никогда в жизни ее не покидать.

– Сегодня Новый год. – Клио взяла стакан с водой. – Может, перестанешь работать и отдохнешь немного? О делах вспомнишь в понедельник.

– Ага... А сама какой пример мне подаешь? Готовишься к экзамену. Ты, что ли, так отдыхаешь?

– Да! Мне нравится учиться. Учеба для меня – не работа. А вот ты пашешь вовсю!

– Кто-то должен сказать преступникам, что нельзя нарушать закон в дни общенациональных праздников. – Грейс хитро улыбнулся.

– Ну да, а старикам надо запретить умирать в рождественские каникулы. Совесть должны иметь! Владельцы похоронных бюро тоже должны хоть капельку передохнуть!

– Сколько их у тебя сегодня?

– Пять, – ответила Клио. – Бедняги! Правда, трое умерли еще вчера.

– Значит, хватило совести подождать до Рождества.

– Они не вынесли мысли о том, что предстоит прожить еще год.

– Надеюсь, сам я так не умру, – сказал Рой. – Не доживу до такого дня, чтобы не было сил пережить следующий год.

– Ты читал Хемингуэя? – спросила Клио.

Грейс покачал головой. Какой он все-таки невежественный по сравнению с Клио! Как мало он, оказывается, читал...

– Это один из моих любимых писателей. Мне очень хочется, чтобы ты узнал его! Он написал: «Жизнь ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе». Прямо про тебя. Ты ведь крепче на изломе?

– Надеюсь; но иногда я в этом сомневаюсь.

– Сейчас тебе нужно быть крепче, чем когда бы то ни было, суперинтендент! – Клио хлопнула себя по животу. – Ты нужен нам обоим!

– А ты еще нужна всем своим мертвецам, – парировал он.

– А ты – своим.

Это правда, с горечью подумал Грейс, снова утыкаясь в папку с делом и вспоминая пирамиду синих коробок и зеленых ящиков на полу кабинета. Сколько мертвецов ждут в своих могилах, когда же он призовет к ответу их убийц!

Дождется ли сегодняшняя изнасилованная Никола Тейлор того дня, когда ее обидчика призовут к ответу? Или все закончится очередным зеленым ящиком с наклейкой?

– Сейчас я читаю об одном афинском политическом деятеле по имени Перикл, – сказала Клио. – Философом он не был, но сказал кое-что очень важное: «После вас остается не то, что высечено на надгробной плите. Остается то, что вплетается в жизнь других людей». Кстати, суперинтендент Грейс, вот еще почему я так сильно тебя люблю. Ты всегда вплетаешь в жизнь других людей что-то хорошее.

– Стараюсь, – ответил Грейс, не отрываясь от папки с делом Туфельщика.

– Бедный ты мой! Сегодня ты явно не со мной...

Грейс пожал плечами:

– Извини. Ненавижу насильников. Видела бы ты сегодня бедняжку в Кроли...

– Ты мне еще ничего о ней не рассказал.

– Хочешь послушать?

– Да, хочу. Я серьезно. Мне хочется знать все о том мире, куда вскоре попадет наш малыш. Что он с ней сделал?

Грейс взял с пола бутылку минеральной воды и одним махом осушил ее. Он охотно выпил бы еще столько же, но не стал открывать вторую бутылку. Задумавшись, принялся вспоминать рассказ несчастной жертвы.

– Он заставил ее заниматься мастурбацией при помощи ее туфли на шпильке. Туфли у нее дорогие, какой-то известной фирмы. «Марк Джозеф», кажется.

– «Марк Джейкобс»? – уточнила Клио.

Грейс кивнул:

– Да, именно «Марк Джейкобс». Они дорогие?

– Очень. Говоришь, он заставлял ее заниматься мастурбацией? То есть... так сказать, каблук вместо искусственного члена?

– Да. Оказывается, ты разбираешься в хорошей обуви? – удивился Грейс.

Ему нравилось, как Клио одевается, но, когда они вместе куда-то выбирались, она почти никогда не зависала у витрин обувных магазинов или магазинов одежды. А вот Сэнди то и дело останавливалась и рассматривала одежду; эта ее привычка доводила Грейса до бешенства.

– Рой, милый, в обуви разбираются все женщины! По-другому и быть не может. Примеряя дорогие, элегантные туфли, любая чувствует себя привлекательной, сексуальной, желанной! Значит, насильник просто наблюдал, как она мастурбирует?

– Она сказала, что у ее туфель пятнадцатисантиметровые шпильки, – ответил Грейс. – Он заставлял ее вводить в себя всю шпильку до конца и сам при этом тоже мастурбировал.

– Ужас какой. Он просто больной!

– Дальше хуже.

– Рассказывай!

– Потом он приказал ей перевернуться на живот, лицом вниз, и ввел ей каблук в задний проход. Ну как, хватит?

– Значит, на самом деле он ее не насиловал? В прямом смысле...

– Изнасил, но это было позже, потом. У него проблемы с эрекцией.

Помолчав несколько секунд, Клио спросила:

– Рой, что с ним? Почему он так поступает?

Грейс пожал плечами:

– Сегодня я разговаривал с психологом и не услышал ничего такого, чего бы я не знал. Насильник не был знаком с жертвой – судя по всему, мы имеем дело с «посторонним». В подобных случаях проблемы у них редко носят чисто сексуальный характер. Скорее всего, он женоненавистник и стремится к власти над жертвой.

– Ты считаешь, тот, кто это сделал, похож на твоего Туфельщика?

– Я потому и взялся перечитывать старое дело. Возможно, здесь просто совпадение. Не исключено также, что в нашем случае действует подражатель. Или же тот самый насильник изменил почерк.

– Сам-то ты как думаешь?

– Трудно сказать. У Туфельщика тоже были проблемы с эрекцией. И он всегда забирал у жертвы туфлю.

– А у сегодняшней... он тоже забрал туфлю?

– Обе туфли и всю ее одежду. Судя по тому, что удалось узнать со слов жертвы, он трансвестит.

– Значит, есть небольшое расхождение?

– Да.

– Что тебе подсказывает чутье? Что говорит твой полицейский нюх?

– Пока рано делать выводы. Но... – Грейс замолчал.

– Что «но»?

Грейс пристально посмотрел на папку со старым делом.

14

3 января, суббота

Попросите ваших собеседников вспомнить, где они были и что делали в тот миг – в тот конкретный миг, – когда услышали об атаке террористов на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября, или о гибели принцессы Дианы, или о том, что застрелили Джона Леннона, или, если они постарше, как именно узнали о покушении на Джона Ф. Кеннеди в Далласе, штат Техас. Почти все сумеют подробно и четко все рассказать.

Но только не Рокси Пирс. В ее жизни важными вехами были лишь те минуты, когда она наконец покупала себе туфли, о которых страстно мечтала. Она могла точно рассказать, что происходило на свете в тот день, когда она приобрела свои первые туфли «Кристиан Лубутэн». Или «Феррагамо». Или «Маноло Бланик».

Сегодня она бродила по залам обувного магазина «Ритци», застеленным серым ковролином, и вдруг увидела такое, что все ее сокровища, хранящиеся в многочисленных шкафах, разом поблекли.

– О да! Господи, да!

Рокси опустила голову и осмотрела свои ноги. Лодыжки бледные, синеватые от проступающих вен... Пожалуй, слишком тощие и костлявые. В общем, ноги она никогда не считала своим выигрышным местом. И все же сегодня они преобразились. Стали потрясающими, великолепными! Тонкие черные ремешки чувственно обнимали лодыжки; словно живые и страстные, они охватывали белую кожу.

Она – настоящая секс-бомба!

Рокси взглянула в зеркало. На нее смотрела красотка с потрясающими ногами. С блестящими черными волосами и великолепной фигурой. Она определенно выглядит гораздо моложе своих лет! Никому и в голову не придет, что через три месяца ей стукнет целых тридцать семь.

– Что скажете? – спросила она у продавщицы, снова полюбовавшись на себя в зеркало. Ах, какие туфли! Высоченные шпильки, изогнутая подошва, поблескивающая черная кожа...

– Как будто на вас сшиты! – уверенно заявила продавщица – не молоденькая девчонка, а лет тридцати. – Точь-в-точь на вас!

– Да-да-да! – пронзительно вскричала Рокси. – А вам, значит, тоже так кажется?

Она так разволновалась, что на нее начали оглядываться другие. В первую субботу после Нового года в Брайтоне было оживленно. Магазины переполнены – любители скидок надеются приобрести что-нибудь по выгодной цене. В такие дни многие владельцы бутиков дополнительно снижают цены после рождественских распродаж.

Только одна покупательница в зале не обернулась на крик. Будь Рокси не так увлечена туфлями, она бы непременно заметила элегантно одетую женщину среднего возраста, в водолазке, длинном темном пальто и дорогих сапожках на высоком каблуке. Определить истинный пол покупательницы смогли бы лишь те, кто взгляделся бы в нее повнимательнее или каким-то чудом отогнул высокий ворот водолазки и увидел под ним адамово яблоко.

Мужчина, переодетый женщиной, не оглядывался, потому что он и так следил за Рокси. Он обратил на нее внимание в тот самый миг, когда она попросила принести ей ту пару туфель.

– С «Джимми Чу» всегда так! – сказала продавщица. – Уж Джимми Чу разбирается в том, как надо шить туфли!

– Вы правда думаете, что они хорошо на мне смотрятся? Ходить в них не очень легко.

Рокси нервничала. Четыреста восемьдесят пять фунтов для нее – большая сумма, особенно сейчас: фирма мужа по продаже программного обеспечения на грани банкротства, а ее собственное крошечное рекламное агентство едва сводит концы с концами.

Но она непременно должна их купить! Просто обязана!

На четыреста восемьдесят пять фунтов можно купить много всего? Ну и подумаешь!

С удовольствием от этих туфель для нее ничто не сравнится!

Рокси не терпелось похвастаться «Джимми Чу» перед подругами. Но больше всего ей хотелось надеть их для Янниса, ее пылкого, страстного любовника-грека, с которым у них роман вот уже полтора месяца. Яннис владеет двумя ресторанами греческой кухни в Брайтоне, и еще у него два заведения – в Уортингге и Истборне. Он не первый ее любовник за двенадцать лет брака, но уж точно самый лучший. Да, вот именно!

Едва вспомнив о Яннисе, Рокси расплылась в улыбке. Вдруг кольнуло сердце. Она уже дважды наступала на одни и те же грабли; пора бы и научиться на собственных ошибках. Рождество для любовных утех – не лучшее время. На работу ходить не надо, и почти все проводят праздники в семейном кругу. Хотя своих детей у Рокси нет – они с Дермотом их не хотели, – пришлось тащиться к родственникам мужа в Лондондерри на целых четыре дня, а сразу по возвращении провести еще четыре дня со своими родителями в далекой норфолкской глуши.

Они с Яннисом уже уговорились о свидании, но в тот самый день, когда они должны были встретиться, ему пришлось лететь в Афины: отец неожиданно свалился с инфарктом.

Сегодня они впервые увидятся после Рождества – Рокси казалось, что прошло больше месяца. Нет, даже два месяца. Целый год. Целая вечность! Она скучала по Яннису. Томилась по нему. Жаждала его.

Да, решено. Она купит эти туфли и наденет их на свидание!

Яннис очень ценил женские ножки. Он любил разувать ее, нюхал ее туфли с таким видом, будто пробовал марочное вино в дорогом ресторане. Ему наверняка понравится, если сегодня она займется с ним любовью в туфельках «Джимми Чу»! Представив себе, что будет, Рокси до того возбудилась, что почувствовала предательскую влагу между ног.

– Знаете, что самое лучшее в таких туфлях? – спросила продавщица. – Их приятно и надевать, и снимать. Они отлично смотрятся с любой одеждой. С вашими джинсами выглядят просто потрясающе.

– Вы так думаете?

Глупый вопрос. Кто бы сомневался! Продавщица наверняка имеет в виду, что эти туфли будут смотреться потрясающе, даже если Рокси наденет на голову мусорный бак, набитый рыбьими головами.

Отправляясь за покупками, Рокси надела узкие, в обтяжку, джинсы «Донна Каран». Они тоже нравились Яннису. Он уверял, что в них у нее роскошный зад. Ему нравилось растягивать их и медленно стаскивать с нее, приговаривая своим бархатным голосом с сильным акцентом: мол, это все равно что снимать кожицу со спелого красивого плода. Рокси очень заводила его комплименты. Дермот давно перестал баловать ее романтической дребеденью. Пройдется по спальне в носках и трусах, рыгнет раза два – вот и вся прелюдия к любовным ласкам.

– Да! – серьезно ответила продавщица.

– Похоже, на эти туфли скидки нет? Они не включены в распродажу?

– К сожалению, нет. Они из новой коллекции, только что получили.

– Мне, как всегда, везет!

– Может, хотите подобрать сумочку в тон?

– Нет, не надо, – ответила Рокси. – Лучше не стоит.

И все же продавщица показала ей и сумочку. Потрясающую, надо сказать! Рокси поняла, что без сумки туфли кажутся простоватыми. Если она не купит сумку вместе с туфлями, она непременно потом пожалеет.

Из-за того, что в магазине было столько покупателей, и из-за того, что ее голова была занята только тем, как утаить цену от Дермота, Рокси совсем не обращала внимания на других покупателей, включая и даму в водолазке, которая рассматривала туфли чуть поодаль от нее. Рокси решила: как только придет выписка со счета, надо будет перехватить ее и сжечь. Хотя «Джимми Чу» она покупает, между прочим, на собственные деньги!

– Вы получаете нашу рассылку, мадам? – спросила продавщица.

– Да.

– Будьте добры, сообщите ваш почтовый индекс. Мы будем держать вас в курсе последних поступлений.

Рокси продиктовала продавщице свой почтовый индекс; та вбила его в компьютер на кассе.

Стоящий рядом с Рокси переодетый мужчина быстро нажал несколько клавиш на своем маленьком нетбуке. Через несколько секунд на мониторе высветился ее адрес. Но читать с экрана ему не пришлось.

– Миссис Пирс, Дроуввэй, семьдесят шесть?

– Совершенно верно, – кивнула Рокси.

– Отлично. Общая сумма тысяча сто двадцать три фунта. Как будете платить?

Рокси протянула кредитку.

Переодетый мужчина неспешно, покачивая бедрами, вышел из магазина. Он долго тренировался и, как ему казалось, научился ходить как настоящая женщина. Через несколько секунд он влился в толпу покупателей на оживленных брайтонских улицах. Каблуки звонко цокали по сухому холодному тротуару.

15

3 января, суббота

После оживления перед Новым годом всегда следует спад. Вереница праздников заканчивается, люди выходят на работу. А в этом году к тому же еще и кризис, банкротится одна фирма за другой. Констебль Йен Аппертон из дорожной полиции Брайтона и Хоува думал: ничего удивительного, что в холодный январский субботний день народу на улицах немного, несмотря на то что распродажи в самом разгаре.

Его сослуживец, констебль Тони Омотосо, сидел за рулем служебного БМВ-универсала. Сгущались сумерки; они ехали на юг. Миновал Роттингдин, направились к набережной; на перекрестке повернули направо. Вести машину стало труднее; в борт били порывы юго-западного ветра с Ла-Манша. Половина пятого вечера. Последний раз проехать мимо меловых утесов, мимо здания Общества слепых Святого Дунстана и дорогой частной школы для девочек «Ройден-скул», потом вдоль набережной – и домой, на базу. Выпить чашку чаю и быть на связи до конца смены.

Аппертон знал: бывают дни, когда атмосфера как будто наэлектризована и заранее предчувствуешь недоброе. Правда, сегодня он ничего такого не ощущал. Ему не терпелось попасть домой, увидеть жену и детей, выгулять собак и провести спокойный вечер перед телевизором. А потом – отдыхать целых три дня, до следующего дежурства.

Дорога пошла в гору; здесь скорость была уже не тридцать, а пятьдесят миль в час. Мимо них по второй полосе с явным превышением скорости промчалась спортивная «Мазда-МХ-2».

Тони Омотосо даже охнул:

– Он там что, ослеп?

Обычно, заметив патрульную машину, водители сбрасывали скорость; немногие решились обогнать инспекторов дорожной полиции, даже если не превышали скорости. Тот, кто сидит за рулем «мазды», либо угнал машину, либо больной на голову, либо просто их не видел. Хотя не заметить их трудно, даже в сумерках: окраска у них люминесцентная, и на капоте и на бортах крупно написано: «Полиция».

Хвостовые огни «мазды» скрылись за поворотом.

Омотосо прибавил газу. Аппертон наклонился вперед, включил проблесковый маячок, сирену и спид-камеру. Рукав застрял в ремне безопасности; он досадливо дернул его. Аппертон всегда нервничал, когда его напарник за кем-то гнался.

Они стремительно догоняли «мазду». Спид-камера зафиксировала семьдесят пять миль в час. На повороте водитель, правда, притормозил, но тут же снова дал по газам. Аппертон пробил номерные знаки «мазды» по базе, но никакого результата не получил. Выходит, «мазда» не числится в угоне и все документы в порядке.

Камера зафиксировала скорость в восемьдесят одну милю в час.

– Пора с ним поболтать, – буркнул Аппертон.

Омотосо рванул вперед, догнал «мазду» и помигал водителю фарами. В такие минуты всегда непонятно, решит ли нарушитель сбежать или проявит благоразумие и остановится.

На «мазде» зажглись тормозные огни. Машина притормозила у обочины. Судя по силуэту в окошке, в машине всего один человек, женщина. Она встревоженно оглядывалась на них через плечо.

Аппертон выключил сирену, проблесковый маячок оставил и включил аварийную сигнализацию. Потом вылез из машины и, наклонившись навстречу ветру, пошел к водительской двери «мазды», поглядывая через плечо на проносящиеся мимо машины.

Женщина чуть опустила стекло и испуганно посмотрела на него. Аппертон вгляделся в водительницу. Разменяла пятый десяток; лицо довольно суровое, но не лишённое привлекательности; густые кудри растрепались на ветру. Помада наложена кое-как, все лицо в потёках туши, как будто она только что плакала.

– Извините, – произнесла она хрипловато и неуверенно. – Наверное, быстро ехала, да?

Аппертон пригнулся поближе, чтобы определить, не пахнет ли от нее спиртным. Правда, все было ясно и так. Наверное, если бы он сейчас чиркнул спичкой, изо рта у дамы вырвалось бы пламя. Кроме того, в салоне сильно пахло табаком.

– Мадам, у вас проблемы со зрением?

– Нет... м-м-м... нет! Я недавно ходила к офтальмологу. У меня зрение почти идеальное.

– Значит, вы всегда обгоняете патрульные машины на большой скорости?

– Ох ты... А разве я вас обогнала? Не заметила. Извините! Только что поругалась с бывшим мужем... понимаете, у нас с ним общий бизнес. И я...

– Мадам, вы пили?

– Только бокал вина за обедом... Маленький бокальчик!

Скорее уж не бокальчик, а целую бутылку, и не вина, а бренди, подумал Аппертон.

– Мадам, прошу вас выключить мотор и выйти из машины. Проведем тест на алкоголь.

– Вы не заведете на меня дело? – Язык у женщины стал заплетаться еще сильнее. – Видите ли... машина нужна мне по работе. М-меня уже привлекали...

Ничего удивительного, подумал Аппертон.

Дама отстегнула ремень безопасности, не без труда выбралась из машины и зашагала неизвестно куда – Аппертону пришлось вытянуть руку, чтобы остановить ее. Ей даже дуть в трубочку не обязательно, подумал он. Достаточно держать трубочку в пределах двадцати ярдов, и результат зашкалит.

16 1979

9 марта, пятница

– Джонни! – завопила мать из спальни. – Заткнись! Перестань стучать! Ты меня слышишь?

Стоя на стуле в своей комнате, он вынул изо рта очередной гвоздь, поднес к стене и начал забивать столярным молотком. Тук! Тук! Тук!

– Джонни, чтоб ты сдох, перестань стучать! Прекрати сейчас же! – завизжала мать.

На полу, на равном расстоянии друг от друга, лежали экспонаты его коллекции: цепочки от унитазов с верхним бачком. Все пятнадцать штук. Он нашел их на свалках в окрестностях Брайтона – точнее, нашел все, кроме двух, которые украл из туалетов.

Он вынул изо рта еще один гвоздь. Приложил к месту. Начал забивать.

В комнату вбежала мать; от нее несло духами «Шалимар». На ней была черная шелковая кофта свободного покроя, чулки сеточкой и светлый кудрявый парик, который слегка сбился набекрень. На лице грубый макияж. Она нагнулась и проворно стащила с ноги туфлю на шпильке. Замахнулась ею, как кинжалом:

– Ты меня слышишь?!

Не обращая на нее внимания, он продолжал забивать гвоздь.

– Джонни! Ты что, оглох?!

– Я не Джонни, – промямлил он с гвоздями в зубах, не переставая стучать молотком. – Меня зовут Ра! Мне надо повесить цепочки.

Взяв туфлю за мысок, мать ткнула его шпилькой в ногу. Тявкнув, как побитая собака, он остутился и упал со стула. Мать опустила на колени и принялась осыпать его ударами – острым концом каблука.

– Никакой ты не Ра, ты Джонни! Понимаешь? Тебя зовут Джонни Керридж!

– Я Ра! Так сказал врач!

– Ты дурачок! Сначала из-за тебя ушел отец, а теперь ты сводишь меня с ума. Никакой врач так не говорил!

– Врач написал: «Ра».

– Врач написал в твоей дурацкой истории болезни буквы: «Эр. А.» – «ребенок-аутист»! Вот что ты такое. Ты бесполезный, проклятый ребенок-аутист! А зовут тебя Джонни Керридж. Усек?

– Меня зовут Ра!

Защищаясь, он свернулся клубком. Один удар пришелся в щеку; на ней вспухла кровотокащая царапина. Он вдыхал густой, терпкий запах ее духов. У нее на туалетном столике стоял большой флакон; однажды мать сказала ему, что «Шалимар» – самые классные женские духи и что он должен радоваться, что у него такая классная мать. Но сейчас она вела себя совсем не классно.

Зазвонил звонок, и рука с туфлей застыла в воздухе.

– Ах ты, дьявол! – сказала она. – Видишь, что ты натворил? Из-за тебя я опоздала, придурок ты этакий! – Она снова ударила его каблуком в бедро – так сильно, что проткнула толстые джинсы. – Черт, черт, черт!

Мать выбежала из комнаты, крича:

– Дапусти же его! Пусть подождет внизу!

Хлопнула дверь ее спальни.

Ра осторожно, морщась от боли, встал с пола и, хромя, вышел из комнаты. Он нарочно шел не спеша. Спустился по лестнице – они жили в двухэтажном четырехквартирном доме в жилом комплексе «Уайтхок». Когда он добрался до нижней ступеньки, в дверь снова позвонили.

Мать крикнула:

– Открой дверь! Впусти его! Не хочу, чтобы он ушел! Нам это нужно!

По лицу текла кровь; она в нескольких местах запачкала футболку и джинсы. Ра с мрачным видом доковылял до входной двери и нехотя распахнул ее.

На крыльце стоял пухлый потный тип в плохо сидящем сером костюме. Вид у него был сконфуженный. Ра уставился на него в упор. Толстяк уставился на него в ответ; лицо у него побагровело. Ра узнал его. Он уже несколько раз бывал у них.

Ра развернулся и, задрав голову, крикнул:

– Мама! Здесь вонючка, которого ты терпеть не можешь! Он пришел трахнуть тебя!

17 1997

27 декабря, суббота

Рейчел дрожала. Изнутри поднимался темный, кошмарный ужас. От холода трудно было думать. Во рту пересохло; очень хотелось пить и есть. Ужасно хотелось воды и чего-нибудь съестного. Она понятия не имела, сколько сейчас времени; вокруг было черным-черно, и она не видела часы, не могла определить, что сейчас на улице – день или ночь.

Он бросил ее здесь умирать или собирается вернуться? Ей надо выбираться отсюда. Как угодно.

Она прислушалась – не слышно ли шума машин, чтобы можно было хотя бы понять, день сейчас или ночь. А может, рокот прибоя подскажет, что она еще у моря. Но до ее слуха время от времени лишь доносился слабый вой сирены. И всякий раз в ней оживала надежда. Может быть, ее уже ищет полиция?

Ведь пропавших без вести должны разыскивать?

Конечно, мама с папой уже сообщили о том, что она пропала. Сказали полицейским, что дочь не приехала к ним на рождественский обед. Они наверняка волнуются. Она их знает, знает, что они приехали к ней домой, чтобы проверить, что с ней случилось. Какой сегодня день? Рейчел запуталась. День рождественских подарков – второй день Рождества? Или уже следующий?

Ее затрясло еще сильнее; холод пробирал до костей. Хотя... наверное, хорошо, что она дрожит. Четыре года назад, закончив школу, она устроилась работать на сезон посудомойкой на одном французском лыжном курорте. Однажды, в метель, японский лыжник сел на последний кресельный подъемник, который шел вверх. Кто-то из зрителей решил, что все уже поднялись наверх и собрались на вершине горы, и выключил рубильник. Утром, когда подъемник снова включили, японский лыжник поднялся на вершину – обледеневший, мертвый, совершенно голый, с широкой улыбкой на лице.

Никто не мог понять, почему он голый и почему улыбается. Потом местный инструктор, с которым у Рейчел был мимолетный роман, объяснил ей: на последних стадиях гипотермии, общего охлаждения, людям мерещится, будто им жарко, и они начинают снимать с себя одежду.

Она понимала, что должна как-то согреться, чтобы избежать переохлаждения. Поэтому совершала единственно возможные движения: каталась, каталась по полу, влево-вправо по своей дерюжной подстилке. Каталась и каталась. Совершенно сбита с толку темнотой, она иногда заваливалась на бок, перекатывалась на живот, потом снова оказывалась на спине.

Надо выбираться отсюда. Все равно как. Надо. Но как? Господи, как?

Она не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Не может кричать. Она голая; кожа покрылась мурашками, такими крупными, что кажется, будто в нее впились миллионы иголок.

Пожалуйста, Господи, помоги мне!

Рейчел в очередной раз перекатилась на бок и ударилась о борт микроавтобуса. Послышался громкий металлический лязг.

Потом она услышала бульканье.

Запахло чем-то тухлым, резким. Соляжкой, поняла Рейчел. Снова бульканье. Буль... буль... Вдруг уткнулась лицом в какую-то лужу – вонючую лужу. Защицало в глазах, стало трудно дышать. Она разрыдалась.

Наверное, из какой-то канистры вытекает соляжка!

Если она вытекает, значит, свинчена крышка. Горловина у канистры круглая и тонкая! Рейчел перекатилась на бок и почувствовала, как что-то шевельнулось в вонючей, влажной, липкой жиже, скребануло по полу.

Звяк... звяк... дззыннь!

Она с трудом подвинула канистру к борту микроавтобуса. Прижалась к ней, подвигала ее, развернула горловиной к себе. Потом прижалась к острой горловине связанными руками. Острый край впился в кожу. Изогнулась, придвинулась ближе... Канистра откатилась в сторону.

Пожалуйста, только не это!

Она извивалась и выгибалась, пока канистра не шевельнулась снова, пока она снова не ощутила острый край горловины, не прижалась к ней, сначала потихоньку, потом посильнее. И начала покачиваться на месте, растирая липкую ленту на запястьях: влево-вправо, влево-вправо. Ей показалось, что ее путы ослабли – совсем чуть-чуть.

Вполне достаточно, чтобы ощутить надежду.

Она продолжала тереть, раскачиваться и тереть. Дышала носом: вдох-выдох. От ядовитых испарений кружилась голова. Соляной пропитались лицо, волосы, все ее тело.

Напряжение в руках ослабло еще на чуть-чуть.

Вдруг вблизи послышался громкий металлический лязг. Рейчел застыла. Нет, только не это! Похоже, как будто открывают ворота гаража. Она перекатилась на спину и затаила дыхание. Через несколько секунд услышала, как открываются задние дверцы микроавтобуса. Ее ослепил луч фонарика. Она замигала. Почувствовала на себе его взгляд. Она лежала, застыв от ужаса, и гадала, что он намерен делать.

А он как будто стоял молча, и все. Она услышала его сопение. Не ее. Она попробовала закричать, но ничего не вышло.

Потом свет погас.

Дверцы микроавтобуса захлопнулись. Снова громкий лязг – как будто закрылись двери гаража.

И тишина.

Рейчел лежала тихо-тихо. Она не знала, здесь ее похититель или уже ушел. Она долго вслушивалась в темноте, а потом снова начала перетирать стянувшую руки ленту о горловину канистры. Острые края впивались в кожу, но ей было все равно. Всякий раз, когда горловина врезалась в кожу, она чувствовала, как лента поддается.

18 Наши дни

3 января, суббота

Последние двенадцать лет Гэрри Старлинг и его жена Дениз по субботам ходили ужинать в ресторан «Китайский дворик». Они любили сидеть за столиком у самой лестницы, чуть сбоку от общего зала. За этим самым столиком двенадцать лет назад Гэрри сделал Дениз предложение.

Отделенные от общего зала перегородкой, они чувствовали себя словно в отдельной кабинке; а поскольку Дениз все больше любила выпить, они сидели здесь, не опасаясь, что остальные посетители подслушают ее гневные тирады – в основном направленные против него.

Обычно она напивалась еще до того, как они выходили из дому, особенно после запрета на курение в общественных местах. Дома Дениз пила белое вино и выкуривала несколько сигарет, несмотря на то что он давно уже грыз ее, требуя, чтобы она бросила. Потом она неверной походкой шла к ждущему их такси. В ресторане, еще до того, как их провожали к столику, она успевала выпить у стойки два бокала коктейля «Космополитен».

Дальше все шло по накатанной. Дениз принималась громко обличать недостатки своего мужа. Иногда ей хватало прежних его изъянов, иногда она придумывала что-нибудь новенькое. Гэрри не реагировал на ее гневные тирады; его равнодушие еще больше подхлестывало Дениз. Она жаловалась подружкам, что ее муж помешался на сдержанности. И на поддержании себя в хорошей физической форме, чтоб ему провалиться!

Их друзья, с которыми они обычно ужинали в «Китайском дворике», супруги Морис и Улла, тоже любили выпить. Давно привыкнув к обличениям Дениз, они обычно поддакивали ей. Кстати, и в их семье не все шло гладко.

Сегодня, в первую субботу нового года, Дениз, Морис и Улла как-то особенно стремились напиться. Тяжкое похмелье кануна Нового года, который они встречали вместе в «Метрополе», осталось далеко в прошлом. Но они еще и немного устали, а Дениз, что для нее редкость, находилась в подавленном настроении. Она даже выпила немного воды – обычно она к воде не прикасалась.

Только что разлили третью бутылку совињон-блана. Подняв бокал, Дениз покосилась на Гэрри, который отошел позвонить по мобильному. Закончив разговор, он сунул телефон в нагрудный карман.

Гэрри, невысокий и хрупкий, всегда носил на лице маску напускной веселости. Его короткие, аккуратно подстриженные черные волосы уже начинали редеть и седеть. Из-за больших, круглых, глубоко посаженных глаз и густых нависших бровей его еще в школе прозвали Филином. Сейчас, достигнув среднего возраста, он носил маленькие очки без оправы, аккуратный костюм, безупречную рубашку, строгий галстук и ходил на ученого, который спокойно наблюдает мир с выражением несколько озадаченным и разочарованным, как будто проводит в своей лаборатории эксперимент и не слишком доволен его результатами.

В противоположность мужу Дениз, когда-то хрупкая блондинка с фигурой, напоминавшей по форме песочные часы, в последнее время сильно раздалась. Благодаря усилиям парикмахера она по-прежнему оставалась блондинкой, но годы пьянства давали о себе знать. Гэрри считал, хотя в силу своей сдержанности никогда не говорил жене об этом вслух, что без одежды она похожа на жирную свинью.

– Звонила Лиззи... моя сестра, – словно извиняясь, объяснил Гэрри, садясь за стол. – Несколько часов провела в полицейском участке; ее задержали за вождение в нетрезвом виде. Я велел ей созвониться с адвокатом и домой ехать на такси.

– Лиззи? Что эта дура опять натворила? – вскинулась Дениз.

– Да ладно тебе, – ответил Гэрри. – Она что, нарочно? Оставь ты ее в покое! Ее недавно бросил муж, да еще пакостит ей на бракоразводном процессе как может...

– Бедняжка, – вздохнула Улла.

– Сильно превысила скорость. Ей запретили возвращаться домой в своей машине. Может, мне подъехать к ней и...

– Не смей! – воскликнула Дениз. – Ты тоже пил.

– Сейчас, если пьешь, надо быть оч-чень осторожным на дороге, – заплетающимся языком произнес Морис. – Я пьяный за руль ни за что не сяду. Но вот тех дураков, которые попадают, мне как-то не очень жалко... Лиззи, конечно, не в счет. – Он натянуто улыбнулся.

Морис заработал целое состояние на постройке домов для престарелых. Улла, его жена-шведка, в последние годы сильно увлеклась защитой животных. Не так давно она даже приняла участие в акции зеленых, которые блокировали Шорэмскую гавань, главную гавань Брайтона, в знак протеста против, как она выразилась, «нечеловеческих условий транспортировки овец». По наблюдениям Гэрри, в последние годы между Морисом и Уллой становилось все меньше и меньше общего.

Гэрри был шафером на свадьбе у Мориса. Тогда он тайно вожделел Уллу. Она была классической шведской блондинкой – длинноногой, с льняными волосами. Если честно, Гэрри продолжал мечтать об Улле еще долго, вплоть до самого последнего времени, когда она начала терять былую красоту. С годами Улла тоже растолстела, да к тому же любила бесформенные балахоны, почти мужские сандалии на плоской подошве и хипповские фенечки. Не добавляли ей красоты и нечесаные патлы в сочетании с тоннами косметики на лице – ну прямо боевая раскраска!

– Знаешь про эффект Кулиджа? – спросил Гэрри.

– Нет, а что это такое? – удивился Морис.

– Когда Кэлвин Кулидж был президентом Соединенных Штатов, им с женой показали птицеферму. И вдруг петух начал топтать курицу прямо перед миссис Кулидж. Фермеру стало очень неудобно, и он извинился. Тогда первая леди спросила, сколько раз в день петух топчет курицу. Фермер ответил: много раз. Она наклонилась к нему и прошептала: «Передайте это, пожалуйста, моему мужу!»

Гэрри замолчал; Морис и Улла расхохотались. Дениз, которая уже слышала этот анекдот, сидела с каменным лицом.

Гэрри продолжал:

– Чуть позже Кулидж стал спрашивать фермера все о том же петухе: «А он всегда топчет одну и ту же курицу?» – «Нет, господин президент, каждый раз разных». Кулидж наклонился к фермеру и прошептал: «Передайте это, пожалуйста, моей жене!»

Морис и Улла еще смеялись, когда им подали хрустящую утку с блинчиками.

– Классная байка! – сказал Морис и поморщился: Улла лягнула его под столом.

– Прямо про тебя, – ядовито прошипела Улла.

Морис давно уже признался Гэрри в том, что изменяет жене направо и налево. Улла была в курсе интрижек мужа – ну, не всех, но некоторых.

– У петуха, по крайней мере, нормальный секс, – сказала мужу Дениз. – А не сплошные извращения, как у тебя.

Гэрри не переставал улыбаться жене. У него на лице словно застыла маска. Над столом повисло неловкое молчание. Принесли блинчики, зеленый лук и острый соус. Официант ловко нарезал утку и ушел.

Морис решил сменить тему. Накладывая себе блинчики, он спросил:

– Гэрри, ну и как у тебя дела в новом году? Как по-твоему, клиенты урежут расходы?

– Откуда ему знать? – вмешалась Дениз. – Он вечно пропадает на своем проклятом поле для гольфа!

– Вот именно оттуда я все и знаю, дорогая, – парировал Гэрри. – Именно на поле для гольфа я завязываю нужные связи. Благодаря гольфу, можно сказать, я и преуспел. Как ты думаешь, почему полицейское управление пользуется моими услугами? Потому что однажды я играл в гольф с одним типом из их руководства...

Гэрри Старлинг начинал электриком, работал в фирме по установке охранной сигнализации. Потом пошел на риск и, уволившись из фирмы, начал собственное дело. В крошечной конторе в центре Брайтона. Время он подгадал чрезвычайно удачно: как раз в то время все словно помешались на системах безопасности.

Его дела сразу пошли в гору. Гэрри Старлинг воспользовался своим членством в гольф-клубе, в клубах «Круглый стол» и «Ротари», где обрабатывал своих знакомых. Через несколько лет он основал фирму «Суссекские системы безопасности» и ее филиал, «Суссекский дистанционный контроль». Постепенно он завоевал почти весь брайтонский рынок. Его компания ставила охранную сигнализацию и в частных домах, и в учреждениях.

Кивнув другу, Гэрри сказал:

– Если честно, дела идут неплохо. Мы не снижаем планку. А у тебя как?

– Процветаем! – ответил Морис. – Хочешь верь, хочешь не верь, но все отлично! – Он поднял бокал. – Что ж, ваше здоровье! Чтобы год был хорошим! Жалко, что не успели выпить за это тридцать первого, да, Дениз? Ты что-то расклеилась...

– Да, очень жалко. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, зря мы пили шампанское в номере, когда ходили переодеваться!

– Не «мы», а ты, – уточнил Гэрри.

– Бедняжка! – воскликнула Улла.

– И все-таки, – сказал Морис, – Гэрри постарался тебя прикрыть, он выпил твою долю, верно, старичок?

Гэрри улыбнулся:

– Я поступил благородно.

– Точно, – кивнула Улла. – Здорово он тогда заторчал!

– А вы читали сегодняшний «Аргус»? – вдруг спросил Морис.

– Нет, – ответил Гэрри. – Я еще не читал. А что?

– В том же отеле, где мы с вами встречали Новый год, изнасиловали женщину! Просто невероятно!

– В «Метрополе»? – уточнила Дениз.

– Да! В номере. Представляете?

– Ну и дела, – сказала Дениз. – Оказывается, по отелю разгуливал насильник, а мой муженек в это время нажрался как свинья!

– Что там написали? – Гэрри сделал вид, что пропустил слова жены мимо ушей.

– Да почти ничего, несколько строчек.

– Не смотри на меня так виновато, милый, – сказала Дениз. – Тебя не хватит даже на то, чтобы муху изнасиловать.

Морис притворился, что занят едой: нарочно долго возился палочками в тарелке, пытается завернуть кусочек утки в блинчик.

– Если, конечно, на ней нет высоких... ой! – вскрикнула Дениз.

Гэрри сильно лягнул ее под столом. Пусть заткнется!

19 1997

27 декабря, суббота

Рейчел давно забыла о боли. Запястья, стянутые липкой лентой за спиной, онемели от холода, но она отчаянно пилила их об острый край горлышка канистры. Спина и поясница онемели; каждые несколько секунд правую ногу схватывало судорогой. Но она ни на что не обращала внимания. Пилила и пилила. Перетирала свои оковы. Ее подхлестывало отчаяние.

Отчаяние подхлестывало и поддерживало ее. Надо освободиться до того, как он вернется. Отчаянно хочется пить. И есть. И поговорить с родителями, услышать их голоса, передать, что она жива. Рейчел плакала и пилила, вертелась вправо-влево, извивалась – боролась.

Вдруг она почувствовала, что может разомкнуть руки.

Почти не веря себе, она разводила их за спиной все шире. Еще немного, и они могли бы взлететь вверх, а все происшедшее оказалось бы страшным сном.

Запястья ужасно болели, но ей было все равно. Мысли в голове путались.

Я свободна.

Он скоро вернется.

Телефон... Где мой телефон?

Нужно позвонить, вызвать помощь. Но как сказать, где она находится? Можно ли запеленговать ее по сигналу сотового телефона? Вряд ли. Пока она может сообщить про себя только одно: что находится в каком-то гараже. Возможно, где-то в районе Брайтона и Хоува.

Он в любой миг может вернуться. Ей нужно освободить ноги. В темноте она пошарила руками, ища телефон, сумку – что угодно. Но нащупала только скользкую и липкую солярку. Она села, потянулась к лодыжкам, замотанным изолентой. Насильник стянул их очень туго; Рейчел показалось, будто ноги у нее скованы гипсом. Рука взлетела к лицу. Может, сначала освободить рот и хотя бы позвать на помощь?

Кто ее услышит?

Рот тоже был туго заклеен изолентой. Она с трудом ухватилась за край липкими от солярки пальцами и резким движением содрала ленту, едва не потеряв сознание от боли. Потом стала шарить в темноте, стараясь нащупать край ленты, обмотавшей лодыжки. Пальцы так дрожали, что у нее ничего не выходило.

В ней нарастал страх.

Я должна бежать!

Она попробовала встать, но из-за того, что ноги были связаны, первая попытка оказалась неудачной: она упала на бок, врезавшись во что-то лбом. По лбу потекла теплая струйка... Кровь, догадалась Рейчел. Тяжело дыша, она перекатилась на спину, снова села, прислонившись к борту, и, стараясь нащупать пол босыми ступнями, начала подтягиваться вверх. Но ноги скользили в проклятой солярке, превратившей пол в настоящий каток.

Она скользила и хваталась за стену; наконец нащупала мешковину, на которой раньше лежала, бросила ее себе под ноги и снова попробовала подняться. На сей раз она держалась крепче. Ей удалось встать, хотя она и ударилась головой о крышу. Ничего не видя в полной темноте, она снова упала. Завалилась на бок. Что-то сильно ударило в глаз – как будто тяжелым молотом.

20 Наши дни

3 января, суббота

На приборной панели заверещали позывные диспетчерской. Ра вздрогнул. Его такси стояло возле шумной набережной, рядом с Брайтонским пирсом. Он пил чай. В одиннадцать часов он обязан выпить чашку чаю. Если честно, он на десять минут выбился из графика: обо всем забыл, пока читал газету.

Он посмотрел на экран. Диспетчер прислала очередной заказ: «Рест. «Китайский дворик». Престон-стрит. Пассажир Старлинг. Место назн.: Роудин-Креснт».

Ресторан «Китайский дворик» совсем близко, за углом. И адрес, куда надо доставить пассажира, Ра тоже знаком. Он четко представил его себе, как представлял каждую улицу и каждый дом в Брайтоне и Хоуве. Изогнутый в форме полумесяца переулок поднимался над утесами в восточной части города. Там все большие особняки, и вид оттуда открывается отличный: на морской порт и пролив Ла-Манш. На Роудин-Креснт живут богачи.

Богачи, которым по карману дорогие туфли.

Ра нажал кнопку, подтвердив, что принимает вызов, и продолжил пить чай и читать газету, забытую кем-то на сиденье.

Пассажиры, наверное, уже поужинали. Раз заказали такси к ресторану, наверняка рассчитывают, что придется подождать, тем более в центре Брайтона. Ждать придется минут пятнадцать, а то и больше. Ра снова и снова перечитал статью об изнасиловании в отеле «Метрополь» в канун Нового года. Никак не мог оторваться.

В зеркале заднего вида он видел ярко освещенный пирс. Он все знал о тамошнем освещении. Раньше он работал на пирсе электриком – ремонтировал проводку. Но его уволили. По той же причине, что и всегда, – кто-то его довел, и он вышел из себя. В такси он еще ни разу не выходил из себя при пассажирах. Правда, один раз вылез из машины и наорал на другого водителя, который встал на стоянке перед ним.

Ра допил чай, нехотя сложил газету и поставил кружку на место, в пакет рядом с термосом. Пакет убрал на соседнее сиденье.

– Список! – произнес он вслух. Потом начал обычную проверку.

Сперва проверить крышки. Потом завести мотор, включить свет. Только так, а не наоборот, потому что, если аккумулятор разрядился, освещение заберет энергию, нужную для стартера. Этому его научил владелец такси. Особенно зимой, когда на аккумулятор больше нагрузка. А сейчас зима.

Мотор заработал на холостых оборотах; Ра проверил, сколько осталось горючего. Три четверти бака. Проверил масло. Температуру в салоне. Его учили, что в салоне должно быть двадцать градусов по Цельсию. Температура за бортом – два градуса по Цельсию. Ночь холодная.

Так-так.

Ра глянул в зеркало, убедился, что ремень пристегнут, включил поворотник, выехал на шоссе и покатил к перекрестку, где зажегся красный свет. Дождавшись, когда свет переключился на зеленый, он повернул направо, на Престон-стрит, и почти сразу же затормозил рядом с дверью ресторана.

К его такси, пошатываясь, подошли два очень пьяных молокососа. Они постучали в стекло и спросили, свободен ли он – им нужно на Колдин. Он занят, ответил Ра, ждет пассажиров. Когда молокососы от стали, он стал гадать, какие у них в домах туалеты: с высоким

или низким спуском? Ему ужасно захотелось выяснить это. Он уже собирался выйти, побежать за ними и спросить, но тут открылась дверь ресторана.

Оттуда вышли двое. Тощий мозгляк в темном пальто и кашне на шее. Его спутница цеплялась за него – сразу видно, перебрала. Еле идет на высоченных каблуках. Похоже, если мозгляк ее отпустит, она упадет. И здорово расшибется – каблуки-то высоченные.

Славные каблуки. Красивые туфли.

Кстати, у него ведь есть их адрес! Ра любил узнавать, где живут женщины, которые носят красивые туфли.

Ага-ага.

Ра опустил стекло. Ему не хотелось, чтобы мозгляк стучал в него. Он не любил, когда пассажиры стучали в его окошко.

– Такси для Старлинга? – спросил мужчина.

– Роудин-Креснт? – ответил Ра.

– Да!

Пассажиры сели в машину.

– Роудин-Креснт, шестьдесят семь, – сказал мужчина.

– Роудин-Креснт, шестьдесят семь, – повторил Ра. Его учили всегда четко повторять адрес.

В салоне запахло спиртным и духами. Он сразу же узнал «Шалимар». Запах детства. «Шалимаром» душилась мать. Он обернулся к женщине.

– Красивые туфли, – заметил он. – «Бруно Мальи».

– Д-да, – с трудом ответила женщина.

– У вас тридцать шестой размер с половиной, – продолжал он.

– Вы разбираетесь в обуви? – кисло спросила пассажирка.

Ра посмотрел на ее лицо в зеркальце. Какая злющая! А ведь только что из ресторана. Вряд ли ей там было весело. И вообще она ему не понравилась. Сидящий рядом с ней мозгляк закрыл глаза.

– В обуви, – сказал Ра. – Ага-ага.

21 1997

27 декабря, суббота

Рейчел очнулась, как от толчка. Страшно болела голова. Она совершенно забыла, где находится. Ей почудилось, будто она лежит дома в своей постели и страдает от тяжелого похмелья. Она попробовала повернуться; жесткий металлический пол не смягчала старая мешковина. В ноздри ударил едкий запах солярки. Рейчел сразу все вспомнила, и в голове закружился черный ужас.

Очень болел правый глаз. Господи, какая мука! Интересно, сколько она здесь валяется? Он может вернуться в любую секунду, а если вернется, то сразу увидит, что ее руки свободны. Он снова стянет их лентой и, наверное, накажет ее. Надо скорее развязать ноги и бежать – воспользоваться удобным случаем.

Господи, помоги мне!

Губы так пересохли, что ей не сразу удалось открыть рот. Язык от жажды стал огромным, неповоротливым. Она снова услышала вдали вой сирены. В глубине души забрезжила искра надежды. Может быть, ее разыскивает полиция?

Интересно, как они найдут ее здесь?

Она покатила вбок и ткнулась плечом в борт микроавтобуса. Села и начала дергать ногтями изоленту, стягивающую лодыжки, стараясь нащупать край, за который можно ухватиться.

Наконец она нащупала конец ленты и медленно, осторожно потянула за него. Отмотала кусок. Принялась дергать. Пропитанная соляркой изолента поддавалась плохо. Рейчел поморщилась от боли: последний слой она содрала вместе с кожей.

Держась за грязную, вонючую мешковину, она поднялась и растерла ноги, восстанавливая кровообращение. Спотыкаясь, побрела к задней дверце микроавтобуса. Наткнувшись босой ступней на выступ, вскрикнула от боли. Нащупала вертикальную металлическую планку и пробежала по ней руками, пока не нашарила ручку. Попробовала опустить ее. Без толку. Поддержала сильнее, но ручка не шелохнулась.

Заперто! Внутри ее все сжалось.

Нет. Только не это! Только не это!

Она повернулась и побрела в другую сторону, часто дыша. Все звуки здесь казались гулкими, громкими. Рейчел нащупала спинку пассажирского сиденья, неуклюже перелезла на него, провела пальцами по дверце, нашла кнопку блокировки. Схватила ее как можно крепче скользкими пальцами и дернула вверх.

К ее облегчению, кнопка легко поддалась.

Потом она нащупала ручку. Толкнула дверцу – та распахнулась. От неожиданности Рейчел едва не вывалилась на бетонный пол гаража. И сразу же включился свет в салоне.

В полумраке она разглядела свою тюрьму. Правда, смотреть особенно было не на что. Какие-то инструменты на крюках на голой стене. Автомобильная крышка. Кое-как прикрывшись мешковиной, держась одной рукой за борт микроавтобуса, она пошла к воротам гаража. Сердце глухо колотилось от страха. В полумраке она на что-то наткнулась; послышался грохот. На пол упало что-то тяжелое. Рейчел сжалась от страха, но продолжала двигаться вперед, пока не дошла до навесных ворот.

Наверху она увидела рукоятку. Попробовала повернуть ее, но безрезультатно. Он запер гараж снаружи! Рейчел охватила паника. Она почти повисла на рукоятке, стала дергать ее. Липкие от солярки и пота пальцы соскальзывали...

В отчаянии Рейчел ударила в ворота плечом, не обращая внимания на боль. Никакого толку. Поскуливая от страха, она ударила снова. Послышался глухой металлический удар. Бум-м-м-м!

Потом еще один.

И еще.

Господи, пусть кто-нибудь меня услышит! Пожалуйста, Господи, прошу Тебя!

Неожиданно ворота распахнулись. Рейчел едва устояла на ногах.

За порогом стоял похититель. Она ясно разглядела его лицо в ярком свете уличных фонарей. Похититель пытливо смотрел на нее.

Мысли в голове у Рейчел путались. Она вертела головой из стороны в сторону. Может, сейчас по улице пройдет прохожий? А может, ей хватит сил увернуться и убежать?

Хаос мыслей прервал удар кулака в подбородок – снизу вверх. Голова Рейчел дернулась назад и с громким треском ударилась о дверцу микроавтобуса.

22

29 декабря, понедельник

Сержант уголовной полиции Рой Грейс очень удивился. Сколько, оказывается, народу уместается в конференц-зале полицейского участка! Несмотря на холод, духота была страшная.

Пропавшие без вести не особенно интересуют представителей прессы, в праздники событий маловато, а птичий грипп в Гонконге успел всем порядком надоесть.

Исчезновение молодой женщины, Рейчел Райан, привлекло внимание не только местной прессы, но и центральных газет. Журналисты увязывали пропажу Рейчел Райан с серией изнасилований, недавно потрясших город. Конечно, больше всех старался «Аргус». На его первой полосе появилась статья под заголовком: «Туфельщик по-прежнему на свободе!»

Все места в душном зале без окон были заняты; репортеры газет, радио и телевидения стояли по периметру, теснились в проходах. Грейс, в костюме, при галстук, сидел за столом на возвышении лицом к представителям прессы. Рядом с ним старший инспектор Джек Скеррит, пропахший табаком, и пресс-секретарь Тони Лонг. За ними синий щит с эмблемой полиции Суссекса; рядом увеличенный снимок пропавшей Рейчел Райан. Стол уставлен микрофонами и диктофонами. От стола по полу к камерам змеятся кабели. Приехали даже представители «Би-би-си саус тудей» и «Меридиана».

То и дело прищуриваясь от ослепительных вспышек камер, Скеррит представил своих коллег, а потом невыразительным голосом прочел заранее написанное заявление:

– 25 декабря родственники двадцатидвухлетней жительницы Брайтона Рейчел Райан сообщили об ее исчезновении. Мисс Райан не приехала к родителям на традиционный рождественский обед. С тех пор ее никто не видел. Мистер и миссис Райан сообщили, что подобное поведение совершенно не в духе их дочери. Полиция ведет поиски молодой женщины. Мы просим всех, кто обладает сведениями о ней, немедленно позвонить в дежурную часть.

Цепкий и хваткий Фил Миллз, репортер криминального отдела «Аргуса», сдвинул на нос очки, привычным жестом поправил прядь волос над солидной плешью и первым ринулся в бой:

– Старший инспектор, не связано ли исчезновение молодой дамы с операцией «Гудини» и насильником, которому вы дали кличку Туфельщик?

Скеррита и Грейса душила ярость. Хотя полиция и прозвала мерзавца Туфельщиком, его способ действий не разглашался. Если рассказать всем о привычках и почерке насильника, придется бороться со шквалом звонков от разных бездельников, которые либо признаются в преступлении, либо просто хотят побольше узнать о преступнике. Грейс видел, что Скеррит старается превозмочь себя. Надо ли подтверждать, что они действительно дали насильнику такую кличку? Да, придется – раз уж дело все равно получило огласку.

– У нас нет никаких улик, подтверждающих ваши предположения, – сухо и отрывисто ответил Скеррит.

Джек Скеррит был человеком известным и уважаемым. Опытный и серьезный сыщик, он прослужил в уголовной полиции более двадцати лет. Держался прямо, по-военному; и стригся тоже по-военному, очень коротко. Грейс восхищался Скерритом, хотя и побаивался его: старший инспектор требовал от своих подчиненных очень многого, а ошибок не прощал. Зато, работая под его началом, Грейс многому научился. Он надеялся когда-нибудь стать таким сыщиком, как Скеррит.

Тут же подняла руку женщина-репортер:

– Старший инспектор, пожалуйста, расскажите подробнее о человеке, которого вы называете Туфельщиком!

– Мы считаем, что преступник, который охотится на женщин в Брайтоне на протяжении нескольких месяцев, питает нездоровое пристрастие к дамской обуви. Вот одна из многих версий, которую мы отработываем.

– Но раньше вы эти сведения не обнародовали!

– Да, не обнародовали, – ответил Скеррит. – Как я и сказал, это всего лишь одна из многих версий.

На него тут же накинута Миллз – тощий, в черном костюме, он напоминал стервятника.

– Обе подруги, с которыми Рейчел встречала Рождество, утверждают, что она обожает дорогие туфли и тратит на обувь огромные деньги – почти все, что зарабатывает. Насколько я понимаю, Туфельщик охотится на женщин, которые носят так называемую дизайнерскую обувь.

– В Рождественский сочельник все молодые женщины стараются раздеться в пух и прах, – сухо ответил Скеррит. – Повторяю, пока у нас нет улик, подтверждающих, что в Брайтоне и Хоуве действовал так называемый Туфельщик.

Подняла руку женщина-репортер. Скеррит кивнул ей.

– Розыск пропавшей без вести Рейчел Райан ведет особая следственная группа. Операции присвоено кодовое название «Закат». Означает ли это, что поискам придается особое значение?

– Мы всерьез относимся ко всем случаям исчезновений людей. Да, данному конкретному делу присвоен особый статус.

Тут же вскинул руку репортер местной радиостанции:

– Старший инспектор, есть ли у вас зацепки по делу так называемого Туфельщика?

– Как я уже говорил, на данной стадии мы отработываем несколько версий. В дежурную часть поступило множество звонков; мои подчиненные проверяют показания свидетелей.

– Но вы пока никого не собираетесь арестовывать?

– На данной стадии – нет.

Потом поднял руку журналист, которого Грейс сразу узнал, – репортер криминальной хроники, который сотрудничал с несколькими центральными газетами.

– Какие шаги предпринимает в настоящее время брайтонская полиция для того, чтобы найти Рейчел Райан?

– В операции задействованы сорок два наших сотрудника. Они опрашивают соседей и жителей окрестных домов, которые могли видеть, как она в ту ночь возвращалась домой. Мы обыскиваем все гаражи, склады и пустующие строения в прилегающих кварталах. Один свидетель, который живет рядом с домом мисс Райан в Кемптауне, утверждает, что видел, как рано утром мужчина затаскивал молодую женщину в белый микроавтобус... – Скеррит несколько секунд сурово смотрел на журналистов, как будто среди них искал подозреваемого. Выбрав взглядом одного из присутствующих, он обратился прямо к нему: – К сожалению, свидетель запомнил не все цифры номерного знака подозрительного микроавтобуса. Мы идем по следу, но просим всех, кто видел белый микроавтобус в районе Истерн-Террас в канун Рождества или в первый день Рождества, немедленно связаться с нами. В конце брифинга я повторю телефон дежурной части. Кроме того, мы просим позвонить нам всех, кто мог видеть эту молодую женщину по пути домой. – Скеррит ткнул пальцем в висящий у него за спиной щит, к которому были приколоты увеличенные снимки Рейчел Райан, взятые у ее родителей.

На секунду Скеррит замолчал и похлопал себя по карманам – словно проверяя, на месте ли трубка. Потом продолжил:

– В день исчезновения на Рейчел было черное пальто средней длины, мини-юбка и черные лаковые туфли на высоком каблуке. Сейчас мы уточняем ее маршрут от стоянки такси на Ист-стрит, откуда она ушла в начале третьего ночи.

Приземистый коротышка с нечесаной бородой, скрывавшей пол-лица, поднял короткий палец с обкусанным ногтем:

– Старший инспектор, есть ли у вас подозреваемые по делу Туфельщика?

– На данном этапе могу сообщить только одно. У нас есть веские улики, и мы признательны гражданам за их активность.

Коротышка тут же выпалил второй вопрос.

– Ваше внимание к Рейчел Райан как будто нарушает политику полиции, – сказал он. – Обычно на сигналы о пропавших без вести вы реагируете не так оперативно. Скажите, прав ли я в своих предположениях и в самом ли деле вы считаете, что здесь замешан Туфельщик? Иными словами, увязываете ли вы исчезновение Рейчел Райан с операцией «Гудини»?

– Нет, – сухо ответил Скеррит.

Руку подняла женщина-репортер:

– Старший инспектор, расскажите, пожалуйста, о других версиях, которые вы отрабатываете по делу об исчезновении Рейчел Райан!

Скеррит повернулся к Рою Грейсу:

– Мой коллега сержант уголовной полиции Грейс отслеживает маршрут Рейчел в ту роковую ночь. Работа будет завершена в семь утра в среду.

– Означают ли ваши слова, что до того времени вы не рассчитываете ее найти? – спросил Фил Миллз.

– Мои слова означают лишь то, что они означают, – не удержавшись, рявкнул Скеррит. У них с Филом Миллзом уже случались стычки. Взяв себя в руки, Скеррит кивнул Грейсу.

Рой Грейс раньше еще ни разу не выступал на брифингах для журналистов, поэтому был взволнован. Вдруг он страшно перепугался.

– Одна из наших сотрудниц примерно того же роста и сложения, что и Рейчел Райан, – медленно выговаривая слова, начал он. – Она пройдет той же дорогой, которой, как мы считаем, возвращалась домой Рейчел. Позднее мы опросим всех людей, которые бодрствовали в ранний час. Попробуем оживить их память...

Он весь покрылся испариной. Джек Скеррит сухо кивнул ему в знак одобрения.

Репортерам нужна сенсация, которой обрадуются редакторы, слушатели и телезрители. Они со Скерритом по другую сторону баррикады. Их задача – сделать все, чтобы улицы Брайтона и Хоува были безопасными и чтобы граждане знали, что им ничто не грозит. Конечно, за годы службы в полиции Грейс навидался всякого и отлично понимал, что жизнь в родном городе, как и везде, далека от идеальной и вряд ли когда будет таковой.

Теперь по улицам разгуливает хищник. Он так перепугал брайтонцев, что ни одна женщина не чувствует себя в безопасности. Жительницы Брайтона то и дело испуганно озираются через плечо; накрепко запирают свои дома и гадают, кто станет следующей жертвой насильника.

До сих пор Рой Грейс не участвовал в поисках Туфельщика. Но в нем крепла уверенность в том, что операция «Гудини» и исчезновение Рейчел Райан связаны между собой.

Он дал себе слово непременно найти Туфельщика.

Чего бы это ни стоило.

23

29 декабря, понедельник

Рейчел сидела в вертолете вместе с Лайамом. Лайам так похож на своего тезку Галлахера из «Оазиса», ее любимой группы! У него такие же длинные волосы и такое же капризное выражение лица... Они парили низко над Большим каньоном. С обеих сторон их окружали темно-красные скалы – так близко, что казалось, их вот-вот раздавит. Далеко внизу, в зазубренных серо-коричневых берегах, змеилась голубая с металлическим отливом лента реки.

Рейчел схватила Лайама за руку. Он в ответ крепко стиснул ее ладонь. Оба сидели в наушниках и не могли разговаривать. Рейчел развернулась к Лайаму и одними губами произнесла:

– Я люблю тебя!

Лайам широко улыбнулся. С микрофоном, который закрывал подбородок, он выглядел забавно. Так же, одними губами, он ответил:

– Я люблю тебя!

Вчера они проходили мимо свадебной часовни. Лайам в шутку затащил ее в крошечный зальчик, расписанный золотистыми узорами. По обе стороны от прохода тянулись ряды скамей. Роль алтаря – так сказать, алтаря для бедных без обозначения конфессиональной принадлежности – выполняли две высокие вазы с цветами. За вазами на стене висела застекленная витрина; на одной ее полке стояла бутылка шампанского и белая дамская сумочка с ремешком в цветочек, а на другой полке – пустая белая корзинка и большие белые свечи.

– А давай поженимся? – предложил Лайам. – Прямо сейчас. Сегодня!

– Не валяй дурака, – ответила Рейчел.

– Я и не валяю. Я серьезно! А что? Вернемся в Англию как мистер и миссис Хопкерк!

Рейчел подумала: интересно, что скажут ее родители? Наверняка расстроятся... И все же ее так и подмывало согласиться. Она почувствовала себя такой счастливой! Вот мужчина, с которым она хочет прожить всю жизнь.

– Мистер Лайам Хопкерк, да вы никак делаете мне предложение?

– Не то чтобы... но понимаешь, я тут подумал: к черту всю эту суету, подружек невесты и фигну, которая сопровождает свадьбу. Забавно получится, верно? Удивим их всех!

Лайам действительно говорил серьезно, чем поразил ее. Он в самом деле не хочет настоящей пышной свадьбы! Ее родители будут убиты. Рейчел вспомнила, как в детстве сидела у отца на коленях. Папа говорил ей, какая она красивая. Как он будет ею гордиться, когда в день свадьбы поведет ее к алтарю.

– Я не могу так огорчить родителей.

– Значит, они для тебя важнее, чем я?

– Нет, просто...

Лайам помрачнел. Надулся.

Небо потемнело. Вдруг вертолет начал падать. Скалы почернели и пронеслись мимо огромного иллюминатора. Река внизу стремительно приближалась.

Она закричала.

Полная темнота.

О господи!

Голова раскалывалась. Вдруг зажегся свет. Тусклая лампочка в салоне микроавтобуса. Она услышала голос. Не Лайама, а мужчины, который смотрел на нее сверху вниз.

– От тебя воняет, – сказал он. – Ты мне тут все провоняла!

Рейчел сразу все вспомнила и оцепенела от ужаса. *Воды... Пожалуйста... Воды...* Она смотрела на него в упор. Во рту пересохло, голова кружилась, она не могла соображать. Попробовала заговорить, но из горла вырвался лишь слабый стон.

– Я не могу тебя трахать. Ты мне противна. Понимаешь, о чем я?

В ней затеплилась искорка надежды. Может, он ее отпустит? Она снова попробовала издать членораздельный звук, но вышло лишь неразборчивое мычание.

– Надо бы тебя отпустить.

Она закивала: «Да, да, отпусти меня... Пожалуйста, прошу тебя...»

– Но отпустить тебя я не могу, потому что ты видела мое лицо, – продолжал похититель.

Рейчел молила его взглядом: «Я никому не скажу... Пожалуйста, отпусти меня! Я никому про тебя не скажу!»

– Ты засадишь меня за решетку до конца жизни. Знаешь, как поступают в тюрьме с такими, как я? Мне что-то не хочется. И я не могу этого допустить.

Внутренности завязало узлом от страха. Узел разрастался; ее затрясло. Она дрожала и тихонько поскуливала.

– Мне жаль, – сказал он. Судя по голосу, ему действительно было жаль. Он словно извинялся перед ней – как посетитель в переполненном баре, который случайно наступил ей на ногу. – Про тебя пишут в газетах. На первой полосе «Аргуса» даже есть твое фото. Рейчел Райан... Красивое имя.

Он смотрел на нее сверху вниз. Лицо у него было злое. Насупленное. И смущенное. Видно, ему и правда было жаль.

– Плохо, что ты видела мое лицо, – сказал он. – Зря ты это. Дурака сваяла, Рейчел. Не сорви ты с меня маску, все закончилось бы по-другому... Понимаешь, о чем я?

24 Наши дни

5 января, понедельник

Недавно созданный подотдел нераскрытых преступлений входил в отдел особо тяжких преступлений, которым руководил Рой Грейс. Новый подотдел разместился в цокольном этаже Суссекс-Хаус, хотя помещение ему выделили несоразмерно маленькое, рядом с дежурной частью. Из окон открывался вид на двор, заставленный мусорными контейнерами, аварийными генераторами и микроавтобусами криминалистической службы; напротив высился корпус Центра предварительного заключения, который загораживал почти весь солнечный свет.

Рой Грейс всегда поражался тому, как много бумажной волокиты сопровождает раскрытие тяжкого преступления. На полу, покрытом серым ковровином, громоздились зеленые пластмассовые ящики и синие картонные коробки, помеченные ярлыками с названиями операций, а также справочники и кодексы. Дверь придерживал толстенный том под названием «Расследование убийства».

Все три рабочих места в тесном кабинетике были заставлены компьютерами, клавиатурами, телефонами, карточками в лотках, прозрачными папками, кружками и личными вещами. Мониторы были почти сплошь обклеены листочками с напоминаниями. Два отдельно стоящих стола заметно просели под тяжестью наваленных на них папок.

Стены украшали газетные вырезки, посвященные отдельным делам, фотографии, выцветшие фотороботы особо опасных преступников, которые до сих пор разгуливают на свободе. Внимание Грейса привлек портрет улыбающейся темноволосой девушки-подростка с подписью:

«Вы видели эту девушку?
Вознаграждение 500 фунтов!»

Рядом висел черно-белый плакат с эмблемой полиции Суссекса. С плаката широко улыбался симпатичный пышноволосый мужчина. Надпись под портретом гласила:

«Полиция Суссекса
Убийство Джона (Джека) Бейкера
Мистер Бейкер был убит в Уортинге (графство Суссекс)
8/9 января 1990 г.

Тех, кому что-либо известно, просят позвонить в дежурную часть отдела тяжких преступлений (тел. 0903-30821) или в любой полицейский участок».

Кроме того, на стенах висели нарисованные полицейским художником портреты жертв и подозреваемых и компьютерные фотороботы. На нескольких один и тот же предполагаемый насильник изображался в разных головных уборах, в маске, в очках и без.

Заведовал новым подотделом Джим Дойл, бывший старший суперинтендент уголовной полиции. Он подчинялся непосредственно Рою Грейсу. С Дойлом Грейс работал много лет назад. Дойл был высокий, сухопарый и с виду напоминал галантного ученого. Правда, внешность давала неверное представление о его психической – и физической – жесткости. Именно благодаря упорству, жесткости, хладнокровию, пылливому уму и педантизму во всем Дойлу и удавалось добиваться блестящих результатов. За свою тридцатилетнюю карьеру он раскрыл немало запутанных и сложных дел. Сотрудники прозвали его Папай – в честь его тетки, Джимми Дойла по кличке Папай из фильма «Французский связной».

Оба коллеги Дойла обладали таким же богатым опытом. Имон Грин, тихий, серьезный, уже в шестнадцать лет стал чемпионом Суссекса по шахматам. Сейчас он был уже гроссмейстером, продолжал играть в шахматы и выигрывать разные турниры. В отставку он вышел в сорок девять лет, дослужившись до заместителя начальника отдела тяжких преступлений. Затем он вновь поступил на службу – уже как вольнонаемный. Брайану Фостеру, бывшему старшему инспектору, которого все называли Фосси, недавно исполнилось шестьдесят три года. Худощавый, коротко стриженный, несмотря на возраст, он по-прежнему напоминал симпатичного мальчишку. В прошлом году он последовательно участвовал в четырех марафонских забегах в разных графствах, каждый из которых продолжался неделю. После выхода в отставку в пятьдесят два года он служил в Международном трибунале в Гааге, судил военных преступников, а теперь вернулся на родину и с жаром приступил к новому этапу в своей карьере.

Поскольку сегодня чуть позже Грейсу предстояло встретиться с новым помощником главного констебля, он надел костюм и галстук. Несмотря на раннее время – без четверти девять, – он успел налить себе уже вторую кружку кофе и теперь, сидя за столом, беседовал с коллегами.

– Итак. – Он покачал ногой. – Во-первых... я рад всех вас видеть. И не просто рад – безумно счастлив!

Все трое заулыбались.

– Папай, ты научил меня всему, что я знаю, поэтому я не собираюсь ничего тебе говорить. Яйца курицу не учат! Шеф... – Рой имел в виду главного констебля Тома Мартинсона, – щедро отвалил нам денег, но, чтобы не прогореть через год, мы обязаны выдать результаты. Грубо говоря, если вы, ребята, хотите и на следующий год сохранить работу за собой, придется вам попотеть. – Отпив кофе, он продолжал: – А сейчас я повторю вам слова Папая, которые он произнес, когда мы с ним первый раз вместе работали. Еще в девяностых годах прошлого века на него, помимо прочего, возложили нагрузку за нераскрытые дела – хотя тогда мы называли их по-другому.

Все три бывших сотрудника полиции прекрасно знали, сколько головной боли доставляет вечно меняющаяся терминология начальства.

Грейс вынул из кармана лист бумаги и стал читать:

– Он сказал, цитирую: «Пересмотр нераскрытых дел позволяет использовать современные методы криминалистики для раскрытия преступлений, совершенных в прошлом, и не допустить повторения таких преступлений в будущем».

– Я рад, Рой, что годы, которые мы прослужили вместе, не прошли для тебя даром, – ответил Джим Дойл. – По крайней мере, ты хоть что-то запомнил!

– Вот именно. Рад, что удалось чему-то научиться у старого служаки! – насмешливо заметил Фостер.

Дойл не поддался на провокацию.

– Возможно, – продолжал Рой Грейс, – вы видели сводки или читали в «Аргусе» о новом преступлении. В канун Нового года изнасиловали женщину.

– В отеле «Метрополь»? – уточнил Имон Грин.

– Да, именно. Я присутствовал при первом опросе жертвы в прошлый четверг, 1 января, – продолжал Грейс. – Из слов пострадавшей следует, что преступник, переодетый женщиной, затащил ее в номер под предлогом того, что ему требовалась помощь. Потом, надев маску, он связал ее и неоднократно изнасиловал каблуком ее же туфли. Затем попытался вступить с ней в традиционный сексуальный контакт, однако это удалось только отчасти. В его действиях прослеживается некоторое сходство с почерком Туфельщика, которого мы так и не нашли в девяносто седьмом году. Туфельщик тоже переодевался в женское платье и просил жертв о помощи. Затем его нападения внезапно прекратились – во всяком слу-

чае, в Суссексе, – и дело осталось нераскрытым. Я принес вам краткое изложение; прошу перечитать его. Знаю, у каждого из вас есть и другие дела, но сейчас я прошу вас заняться Туфельщиком. Мне кажется, он имеет отношение к делу, над которым я работаю сейчас.

– Рой, там были образцы ДНК? – спросил Джим Дойл.

– Следов спермы нигде не обнаружено, но три жертвы сообщили, что насильник надевал презерватив. Есть волокна ткани, но по ним ничего существенного установить не удалось. Ни царапин, ни слюны. Две жертвы сообщили, что у преступника выбриты волосы на лобке. Туфельщик, несомненно, что-то смыслил в криминалистике – еще тогда. В общем, никаких следов ДНК. Во всех эпизодах общее только одно: все жертвы очень любили дорожную обувь.

– Как и девяносто пять процентов женщин, в том числе и моя жена, – буркнул Джим Дойл.

– Вот именно, – кивнул Грейс.

– А особые приметы? – спросил Брайан Фостер.

– Все вы помните, как грубо и топорно в те годы допрашивали жертв изнасилования. Боюсь, особых примет у нас немного. Мужчина хрупкого телосложения, растительность на теле скудная, по выговору невозможно определить, образованный он или выходец из низов... Да, у него маленький член. Все выходные я читал протоколы допросов и изучал сводку по другим тяжким преступлениям, совершенным в то же время, – продолжал Грейс. – Есть еще одна женщина, которая, как я подозреваю, тоже могла стать жертвой Туфельщика – возможно, его последней жертвой. Рейчел Райан, двадцати двух лет, пропала в самый канун Рождества, точнее, в день Рождества девяносто седьмого года. Я хорошо запомнил то дело, потому что тогда как раз дежурил по городу. Когда поступил сигнал, я поехал к ее родителям. Почтенные, добропорядочные люди, они очень испугались, потому что дочь не приехала к ним на рождественский обед. Судя по всему, Рейчел была девушкой разумной и порядочной. Незадолго до своего исчезновения она порвала с женихом и очень серьезно переживала разрыв.

Грейс в последний миг удержался, чтобы не добавить: Рейчел Райан исчезла с лица земли – совсем как его жена Сэнди.

– Какие версии? – поинтересовался Фостер.

– Родственники ни при чем, – ответил Грейс. – Я допрашивал двух ее подруг, с которыми Рейчел вместе праздновала Рождество. Одна сказала, что Рейчел была слегка сдвинута на обуви. Покупала дорожные туфли, которые были ей явно не по средствам, – дизайнерские туфли по двести фунтов за пару. Все жертвы Туфельщика носили дорогие туфли. – Грейс пожал плечами.

– В общем, Рой, опираться-то практически не на что, – ответил Фостер. – Раз она порвала с женихом, могла и покончить с собой. Понимаешь, Рождество... В такое время одиноким особенно больно. Помню, в девяносто втором меня бросила жена. Ушла за три недели до Рождества. Я тогда чуть не повесился... Пришлось лопать рождественский ужин в одиночку в распроклятой бифштексной «Ангус».

Грейс невесело улыбнулся:

– Все возможно, но, судя по тому, что мне удалось о ней узнать, вряд ли она покончила с собой. Зато вот что важно. В три часа ночи ее сосед выглянул из окна – время он засек – и видел, как мужчина затаскивает какую-то женщину в белый микроавтобус.

– Номерные знаки запомнил?

– Он был пьян в стельку. Запомнил только несколько цифр.

– Но машину-то удалось найти?

– Нет.

– Ты ему поверил?

– Да, и до сих пор верю.

– В общем, опираться особо не на что, да, Рой? – сказал Джим Дойл.

– Да, но я нашел кое-что странное. Сегодня специально приехал пораньше и перечитал материалы дела. И знаете что? – Грейс обвел коллег внимательным взглядом. – Из дела пропало несколько важных страниц!

– Кто мог их взять? – спросил Брайан Фостер. – То есть... Кто имеет к ним доступ и у кого есть возможность их изъять?

– Ты ведь раньше служил в полиции, – сказал Грейс. – Вот ты мне и ответь. А потом объясни, кому и зачем это понадобилось.

25

5 января, понедельник

Наверное, и правда пора завязывать.

В тюрьме не молодеешь. Тюрьма набавляет – вернее, отнимает – десять лет жизни, в зависимости от того, как на это посмотреть. Даррен Спайсер не был недоволен своим прошлым, как на него ни смотри.

С шестнадцати лет он проводил больше времени за решеткой, чем на воле. Мотал срок за сроком. Его называли «упорным рецидивистом». Закоренелым преступником. Что говорить, не очень-то ему везло. Только один раз во взрослой жизни он провел два Рождества подряд на воле, да и то сразу после того, как женился. По свидетельству о рождении – настоящему – ему стукнуло сорок один. Отражение в зеркале в ванной говорило, что ему все пятьдесят пять, а то и больше. А самому ему казалось, будто ему все восемьдесят. Настоящий мертвец. Настоящее...

Ничтожество.

Намылившись, он тупо взглянул в зеркало и поморщился, увидев морщинистого старого придурка. Он стоял голышом; долговязое тощее тело – он предпочитал называть себя «худощавым» – стало мускулистым от ежедневных занятий в тюремном тренажерном зале.

Даррен Спайсер принялся сбривать жесткую щетину той же затупленной бритвой, какой он брился в тюрьме и которую унес с собой на волю. Когда он закончил, лицо стало таким же гладким, как все тело, – остальное он сбрил на прошлой неделе. Он всегда брился после выхода из тюрьмы; таким способом он очищался. Помнил, как однажды, вскоре после свадьбы, вернулся домой с лобковыми вшами. Бр-р-р!

На предплечьях красовались две маленькие татуировки. Хорошенького понемножку! Почти все его сокамерники были с ног до головы покрыты наколками и гордились тем, какие они крутые. Даррен Спайсер считал, что гордиться наколками – все равно что выставлять напоказ свою тупость. Зачем облегчать копам возможность тебя опознать? И потом, у него и без наколок особых примет хватает: пять шрамов от резаных ран на спине. Так ему отомстили когда-то дружки наркодилера, которого он попробовал кинуть.

Последний срок оказался и самым долгим – шесть лет. Правда, выпустили его досрочно, через три года. Пора завязывать, решил Даррен. Да, пора, но...

Вот именно что «но».

Предполагается, что, выйдя из тюрьмы, ты свободен. А он свободен лишь условно. Обязан регулярно являться к инспектору, который надзирает за досрочно освобожденными. Обязан записаться на курсы переподготовки. Обязан подчиняться внутреннему распорядку общежития, в котором сейчас обитает.

После освобождения положено возвращаться домой.

А у него дома нет.

Отец давно умер, а с матерью он за двадцать пять лет и двух слов не сказал – да и то, пожалуй, многовато. Единственная сестрица Мэгз отдала концы пять лет назад – передоз. Бывшая жена с ребенком укатила в Австралию. Сынишку он не видел десять лет.

Домом для него стало любое место, где можно устроиться переночевать. Вчера он снял койку в ночлежке для реабилитации бывших заключенных, алкоголиков и наркоманов в самом центре Брайтона. Комнату пришлось делить с четырьмя вонючими, шумными алкашами. Знакомое место, он здесь уже бывал не раз. Сегодня надо подыскать себе местечко получше. Например, попробовать устроиться в приют Святого Патрика. Там неплохая жрачка и есть где оставить барахло. Правда, спать придется в общем зале, зато там чисто. Считается, что заключенным, чей срок подходит к концу, помогают найти свое

место в обществе. Но жизнь распорядится по-другому. На свободе ты никому не нужен – вот как выходит. Место в обществе – выдумка, враки. Хотя Даррен Спайсер пытался играть по правилам, вписаться в их образ жизни.

Переподготовка! Переобучение!

Ха! Переобучаться ему не хотелось, но он выразил желание освоить новую профессию. На последние полгода его перевели в Открытую тюрьму Форда. Целый день он проводил на свободе, трудясь на специально отведенных для таких, как он, рабочих местах. Они назывались «Рабочие звенья». Даррен выбрал курсы гостиничных разнорабочих и благодаря этому шикарно проводил время в двух брайтонских отелях. Работал незаметно. Изучал, где что находится. Получил доступ к ключам от номеров и к охранной сигнализации. Очень полезная подготовочка!

Да.

В Льюисе его регулярно навещала пожилая дамочка из какого-то благотворительного фонда. Как-то раз она спросила Даррена, о чем он мечтает. Какой он представляет свою жизнь за пределами тюрьмы. И есть ли у него вообще мечта?

Мечта у него есть, ответил Даррен, а как же! Снова жениться. Нарожать детишек. Жить в красивом домике – типа тех, какие он когда-то грабил, чтобы заработать себе на хлеб. И водить красивую машину. Получить постоянную работу. Да... еще по выходным ездить на рыбалку. Вот какая у него мечта. Но сказал он даме, этого никогда не будет.

– Почему? – удивилась благодетельница.

– Я вам скажу почему, – ответил Даррен. – Потому что у меня сто семьдесят два привода, ясно? Какой нормальный человек примет меня на работу? Прошлое-то не скроешь... – Помолчав, он продолжал: – Да ладно, мне и здесь неплохо. У меня здесь дружки. Кормят сытно. За свет платит государство. И телевизор мне оплачивают.

Да, все было нормально. Кроме того, что...

В тюрьме не было женщин. Вот чего ему больше всего не хватало в тюрьме. Он любил женщин и кокаин. Наркоту в тюрьму пронести еще можно, а вот бабу провести гораздо труднее.

Его оставили в камере на Рождество, зато выпустили через два дня после Дня рождественских подарков. Чего ради?

Вот ведь дьявольщина!

Надо надеяться, завтра он отсюда съедет. Тех, кто не нарушает правил в приюте Святого Патрика, через двадцать восемь дней переводят в отсек, или «стручок», то есть отдельную крошечную комнатку, больше похожую на капсулу на космическом корабле. Идею позаимствовали из какого-то японского отеля. В таком вот отсеке позволяют жить еще десять недель. Там тесно, зато живешь один – и имущество сохраннее.

Ему есть что хранить подальше от чужих глаз.

Сейчас его вещи лежат у одного приятеля, Терри Биглоу, – если можно назвать приятелем скользкого мелкого хорька. Они все умещаются в чемодане, перетянутом цепями и запертом на три висячих замка. Замки и цепи он приладил прочные, потому что Биглоу не доверял.

Может быть, на этот раз ему удастся не загреметь за решетку. Взять несколько богатых домов, толкнуть партию кокаина, накопить на собственное жилье. А что потом? Найти женщину... Жениться... Мысли о семье то привлекали его, то нагнетали тоску. Чего ради суесться? По правде говоря, он давно привык к своему образу жизни. К тому, что он – сам себе компания. Делает что хочет и ни перед кем не отчитывается.

Его папаша был кровельщиком; в детстве Даррен часто помогал ему. Видел шикарные дома в Брайтоне и Хоуве, где работал папаша, и красоток в нарядных платьях, на роскошных машинах, которые там жили.

Папаша все мечтал разбогатеть, построить шикарный дом и завести такую вот красоту, но ничего не вышло. Однажды он свалился с крыши, сломал себе шею и больше не мог работать. С утра до ночи пропивал свое пособие по инвалидности. Даррен не хотел становиться кровельщиком, он понимал, что от такой работы не разбогатеешь. Зато учеба может помочь. Школу он любил, особенно математику, естествознание и уроки труда – любил что-то делать руками. А дома стало совсем плохо. Мамаша тоже пила. Когда ему исполнилось тринадцать, она как-то завалилась к нему в постель – пьяная и голая – и сказала: мол, папаша не может ее удовлетворить и теперь он, как мужчина, обязан его заменить.

Даррен каждый день старался пораньше уйти в школу. Из-за того, что творилось ночью, ему было не по себе. Он все больше отдалялся от друзей. В голове все путалось; он стал хуже соображать. Легче становилось в одиночестве. Он пропадал на рыбалке, а в плохую погоду торчал в дядиной слесарной мастерской, смотрел, как дядя вытачивает ключи, выполнял мелкие поручения. Если дядя забегал к местному букмекеру сделать ставки, он иногда ставил племянника вместо себя за прилавок. Даррен был на все готов, лишь бы сбежать из дома. От мамыши.

Ему нравились дядины инструменты, запах мастерской и тайны замков. На поверку замки оказывались всего-навсего детскими игрушками. Совсем простыми головоломками.

Когда ему исполнилось пятнадцать, мать сказала: хватит дурака валять, пора ему содержать ее и папашу. Надо выучиться ремеслу, устроиться на работу. Дядя, которому не на кого было оставить дело, предложил пойти к нему в ученики.

Через пару месяцев Даррен отлично разбирался в любых замках. Дядя восхищался племянником: прямо гений какой-то, чтоб ему пусто было!

А Даррен считал, что тут нет ничего такого сложного. Все, что сделано руками человека, другой человек может легко разобрать. Надо только подумать, как открыть замок. Представить себе схему – пружинки, кулачки, поставить себя на место человека, который его сделал. В конце концов, домашние замки бывают всего двух видов – йельский, который открывается плоским ключом, и замок «Чабб», который открывается цилиндрическим ключом. Замки бывают врезными и навесными. А если вдруг не получится представить внутреннее устройство на глазок, внутрь почти всех замков можно заглянуть с помощью простейшего медицинского прибора – ректоскопа.

От замков Даррен перешел к сейфам. Дядя освоил смежную специальность: вскрывал сейфы для полиции. Прошло совсем немного времени, и не осталось такого дверного замка и такого механического сейфа, которые бы не сумел открыть его племянник.

Первый дом в Холлингдине он взял в шестнадцать лет. Сразу попался и провел два года в исправительной колонии для малолетних преступников. Именно там он впервые попробовал наркотики. И усвоил первый урок. Не важно, грабишь ты нищую квартиру или богатый особняк; не важно, выносишь ты грошовый музыкальный центр или бриллианты. Рискуешь всегда одинаково.

Когда он вышел на свободу, дядя не пожелал снова взять его к себе, а у Даррена не было желания заниматься низкооплачиваемым физическим трудом, хотя ничего другого ему и не предлагали. Тогда он взял богатый особняк на Уитдин-Роуд, в богатом квартале. Взял из сейфа семь тысяч фунтов – семь штук. Три спустил на кокаин, а четыре вложил в героин, который продал и получил прибыль двадцать штук.

После того он поочередно взял несколько богатых особняков, заработал почти сто штук чистыми. Потом в клубе познакомился с Роуз. Женился на ней. Купил квартиру в Портслейде. Роуз не одобряла его ремесла; Даррен попробовал жить честно. Через одного знакомого раздобыл поддельное удостоверение личности и устроился в фирму, которая занималась установкой охранной сигнализации. Фирма называлась «Суссекские системы безопасности».

Клиентура у них была высший сорт. Половина всех богачей в городе. Побывать в таких домах – все равно что мальчишке попасть в кондитерскую. Вскоре Даррен заскучал по прежней жизни. Особенно по удовольствию, какое он получал, вламываясь в чужие дома. Но больше всего ему не доставало больших денег, которые он брал в чужих сейфах.

И того кайфа, который он испытывал, очутившись в чужой шикарной спальне, где пахло богатством. Он вдыхал ароматы духов, которыми душились богатые красотки, рылся в корзине с грязным бельем, перебирал дорогие платья в шкафах, нюхал шелк, хлопок, мех, кожу... Он обожал рыться в вещах богатых женщин. Особенно в нижнем белье и обуви. От этого он ужасно возбуждался.

Богачки живут совсем в другом мире. Они ему не по средствам. Они стоят на другой ступеньке общественной лестницы.

Роскошные красотки и их мужья, набитые деньгами...

Такие красотки всегда изменяют мужьям.

Иногда аромат туалетной воды или кислый запах грязного белья напоминал ему о матери, и в нем на короткий миг загоралось желание, которое он тут же подавлял вспышкой гнева.

Первое время ему удавалось дурачить Роуз; он врал ей, что ходит на рыбалку – в основном по ночам. Роуз спрашивала, почему он никогда не берет с собой сынишку. Даррен обещал, что обязательно возьмет, когда сынишка станет старше. И взял бы, непременно взял бы!

Но однажды февральским вечером, когда он грабил дом в Тондине, неожиданно раньше времени вернулся хозяин. Пришлось бежать через окно. Пробираясь по саду, Даррен угодил прямым в бассейн, из которого выкачали воду. Он сломал правую ногу, челюсть и нос и вырубился напрочь.

Роуз навестила его в тюрьме только один раз. Сообщила, что уезжает с сынишкой в Австралию, а его больше не желает видеть.

Теперь он снова на свободе, но у него ничего нет. Ничего, кроме чемоданчика, который хранится у Терри Биглоу – если, конечно, Терри еще в своем логове, а не за решеткой и не сдох. А кроме чемодана, у Даррена нет ничего. Только изношенное, израненное тело да мечты, которые он копил три года, лежа на узкой тюремной койке. Он мечтал о том, как заживет, когда снова выйдет на волю...

26 1997

29 декабря, понедельник

– Я правда могу забыть, что видела твое лицо! – сказала Рейчел, глядя на него снизу вверх.

В желтом пятне света от лампочки под потолком он выглядел каким-то желтушным. Она попробовала посмотреть ему в глаза, потому что вдруг вспомнила – наверное, от страха – прочитанную в газете заметку: заложники или похищенные непременно должны установить глазной контакт с похитителем. Если между двоими людьми протягивается ниточка, связь, похитителю труднее причинить похищенному боль.

Она и пыталась хриплым голосом установить связь с этим человеком – с этим чудовищем... с этим... существом.

– Конечно можешь, Рейчел. Я что, по-твоему, вчера родился? Неделю назад, прямо на Рождество, чтоб оно провалилось? Допустим, я тебя отпущу, а через час ты уже окажешься в полицейском участке, и специальный художник изготовит на компьютере мой фоторобот. Ты ведь так поступишь, да?

Рейчел энергично затрясла головой.

– Клянусь... – прохрипела она.

– Чем? Жизнью твоей матери?

– Жизнью моей матери... Пожалуйста, дай мне воды. Очень прошу...

– Значит, я тебя отпущу, но, если ты меня обманешь и пойдешь в полицию, я явлюсь в дом твоей матери на Сарренден-Клоуз и убью ее?

Рейчел смутно удивилась. Откуда он знает, где живет ее мать? Может, прочел в газете? В душе снова зажглась искра надежды. Если он действительно прочел о ней в газете, значит, про нее уже известно всем. Ее ищут... Ее разыскивает полиция.

– Рейчел, я все про тебя знаю.

– Отпусти меня! Я не стану рисковать жизнью матери!

– Отпустить?

– Да.

– И не мечтай.

27

Наши дни

8 января, четверг

Ему нравилось находиться в этих красивых больших домах. Точнее, наблюдать за тем, что в них происходит.

Иногда, спрятавшись в какую-нибудь узкую щель, он представлял, будто надевает на себя эти дома, словно вторую кожу. Или, втиснувшись в платяной шкаф, окруженный платьями и манящими запахами красоток, которым эти платья принадлежат, и кожи их туфель, он чувствовал себя на вершине мира, как будто овладевал женщиной.

Владелицей роскошных нарядов, которые висят вокруг него. И многочисленных туфель – его любимых дорогих туфель, которые стоят на полочках.

Совсем скоро он ненадолго овладеет такой красоткой... Уже очень скоро.

Ему многое известно о ней – гораздо больше, чем ее собственному мужу. Сегодня четверг. Он следит за ней уже три дня. Знает, когда она возвращается домой и когда уходит. Знает, что спрятано в ее ноутбуке, – лапочка, она не защитила свой почтовый ящик паролем! Он прочел ее переписку с греком, с которым она спит. И снимки его видел. Она любит снимать своего любовничка – иногда в довольно откровенных позах.

Если повезет, сегодня ее любовником станет он. А вовсе не мощный волосатик с громадным инструментом.

Главное – вести себя осторожно и не шевелиться, когда она вернется домой. Особенно шумят вешалки – у нее в основном тонкие, металлические, на таких возвращают вещи из химчистки. Несколько штук он уже снял, чтобы не выдали его, и сложил на полу шкафа, а самые ближние к себе обернул тканью. Теперь остается только одно: ждать. И надеяться.

Здесь как на рыбалке. Требуется много терпения. Она, может, еще долго не вернется. Зато сегодня можно не опасаться, что неожиданно нагрянет муж.

Муженек улетел на самолете далеко-далеко. На конференцию по программному обеспечению в Хельсинки. Он очень обрадовался, увидев на кухонном столе записку: «До субботы, целую, ХХХХ». И название отеля, и телефон.

Чтобы убедиться наверняка – надо же было как-то убить время, – он позвонил в отель из кухни и попросил позвать мистера Дермота Пирса. Женский голос с легким акцентом ответил:

– Мистер Пирс не подходит... Что ему передать?

Он так возбудился, что едва не брякнул: «Передайте, что я собираюсь оттрахать его жену». Надо же – удача сама плывет к нему в руки! Но он благоразумно нажал отбой.

Его немного беспокоили фотографии двоих детей-подростков, мальчика и девочки, которые стояли на столе в гостиной. Он обследовал две подростковые комнаты. Безупречная, почти стерильная чистота и порядок. Ясно, никакие дети здесь постоянно не живут. Скорее всего, они – дети мужа от первого брака.

Зато в доме оказался кот, страшненький, бирманской породы. Он увидел кота на кухне и отпихнул ногой. Кот убежал на улицу через свою дверцу. Все стихло. Он обрадовался и еще сильнее возбудился.

Некоторые дома внутри как живые. Особенно когда работают нагреватели и вибрируют стены. Дышат! Да, как он сейчас, глубоко дышат от возбуждения, и дыхание дома эхом отдается у него в ушах. Он чувствует биение своего сердца, кровь все быстрее течет по жилам.

Господи, до чего хорошо!

28

8 января, четверг

Рокси Пирс ждала сегодняшнего вечера всю неделю. Дермот улетел по делам, и она пригласила Янниса к себе на ужин. Ей давно хотелось заняться с ним любовью в собственном доме. Греховная мысль сладко будоражила ее.

Они не виделись с прошлой субботы; Рокси вспомнила, как, раздевшись, прохаживалась по его квартире в новеньких туфлях «Джимми Чу». Даже в постели она не сняла туфель – что ужасно заводило его.

Где-то она читала: самки-комарихи иногда так жаждут крови, что готовы пойти на что угодно, даже невзирая на опасность для жизни.

Вот как сильно ей сейчас хочется побыть с Яннисом. Ей надо его увидеть. И заняться с ним любовью. А что потом – не важно! Чем дольше они занимаются сексом, тем больше ей его хочется!

«Какая же я дрянь», – виновато думала Рокси по пути домой, гоня свой серебристый «бокстер» по темной, освещенной фонарями модной Ширли-Драйв, мимо площадки для игр в Хоуве.

Она повернула в свой квартал, Дроуввэй, потом снова направо, на их улицу, и подъехала к большому квадратному современному дому, который они для себя построили. Настоящий райский уголок в черте города! За домом – сад, который граничит со стадионом частной школы. Когда она поехала по короткой подъездной аллее, включилась охранная сигнализация.

Ох, какая же я дрянь! Гнить мне в аду...

Рокси воспитали хорошей католичкой. Она выросла, веря в грех и адовы муки.

Когда они познакомились, он был женат. Она отбила его у жены и двоих детей, которых он обожал. У них был страстный роман. Целых два года их страсть все росла. Они были ужасно влюблены друг в друга. Но потом, когда они стали жить вместе, притяжение куда-то исчезло.

Теперь, с Яннисом, Рокси испытывала такой же взрыв чувств. Как и Дермот, он был женат, у него тоже были дети, только младше. Ее лучшая подруга, Вив Дэниэлс, не одобряла ее нового увлечения, предрекала Рокси, что та прослывет угонщицей чужих мужей. Но она ничего не могла с собой поделать, не могла подавить в себе влечение к Яннису.

Она вынула из-за солнцезащитного козырька пульт от гаража, открыла ворота. Без БМВ Дермота гараж казался просторным и пустым. Рокси выключила зажигание и перед тем, как выйти, взяла с пассажирского сиденья пакеты из супермаркета «Уэйтроуз».

С Яннисом она познакомилась, когда Дермот повез ее в ресторан «Фессалоники» в Брайтоне. Когда они закончили ужин, к ним за столик подсел владелец заведения. Яннис угощал их узо за счет заведения и не сводил взгляда с Рокси.

Сначала она повелась на его голос – хрипловатый, страстный. Он так увлеченно рассказывал о еде и о жизни на своем ломаном английском! А еще она завелась от его модной трехдневной щетины. И волосатой груди, видной в вырезе расстегнутой почти до пупа белой рубашки. И от его простоты. Казалось, этот мужчина живет без забот – расслабленный и счастливый, довольный собой.

И такой ненасытный в сексе!

Рокси открыла входную дверь и тут же набрала на панели кодовый номер, чтобы не сработала сигнализация. Она совсем замечталась и не заметила, что огонек на панели другой, не такой, как всегда. Работала лишь ночная сигнализация первого этажа, а второй этаж

оказался отключен. Но мысли Рокси бежали в совершенно другом направлении. Понравится ли Яннису ее стряпня?

Она решила приготовить что-нибудь простое: смешанные итальянские закуски, стейк на ребрах и салат. И бутылка или две из драгоценного погребка Дермота.

Захлопнув за собой входную дверь, она позвала кота:

– Суси! Эй, Суси! Мамочка пришла!

Это Дермот придумал так по-дурацки назвать кота; имя он взял в честь первого ресторана, куда они ходили в Лондоне на своем первом свидании.

Кот не отозвался, что было необычно.

Обычно он выходил хозяйке навстречу, терся о ее ноги и выжидательно смотрел снизу вверх, дожидаясь ужина. А сегодня его что-то нет... Может, в саду? Ну и ладно.

Рокси глянула на свои часики, потом на большие часы на кухне: пять минут седьмого. До приезда Янниса меньше часа.

На работе прошел очередной паршивый день. Телефон молчал, а трафик быстрого Интернета почти превышен. Но сегодня на несколько часов она забудет все заботы. Кроме них с Яннисом, все остальное не важно. Она будет наслаждаться каждой минутой, каждой секундой, каждой наносекундой!

Она выложила покупки на кухонный стол, разнесла все по местам, взяла в погребок бутылку марочного «Шато де Мерсо» и поставила в холодильник, а бутылку «Жевре Шамбертен» урожая 2000 года откупорила заранее, чтобы вино подышало. Вскрыла банку кошачьих консервов, выложила содержимое в миску и снова позвала любимца:

– Суси! Эй, Суси! Ужинать!

Потом поспешила наверх. Надо принять душ, побрить ноги, брызнуть на себя духами «Джо Мэлоун», вернуться вниз и приготовить ужин.

Услышав из шкафа, как она зовет кота, он надел на голову маску. Прислушался к ее шагам. Поднимается! Внутри его все напряглось от возбуждения. От предвкушения.

Перед глазами поплыл красный туман. У него сразу поднялось настроение... и не только настроение. Он старался успокоить дыхание. Следил за ней из-за шелковых платяев, через занавешенные, застекленные дверцы шкафа. Какая она красивая! У нее блестящие черные волосы... Вот она небрежно сбрасывает черные туфли на плоской подошве... Бесстыдно снимает темно-синий костюм. Как будто она раздевается для него!

Спасибо!

Красотка сняла белую блузку и бюстгальтер. Грудь оказалась меньше, чем он себе представлял. Ну и ладно! Нормальная грудь. Крепкая, с маленькими сосками. Не важно. Грудь его особо не волнует.

Теперь трусики!

Она бреется! Линия бикини белая, до узкой полоски трусиков танга. Очень гигиенично!

Умница!

Он так возбудился, что весь вспотел.

Потом она, голая, зашла в ванную. Он услышал плеск воды в душе. Понимал, что сейчас самое время, но не хотелось брать ее мокрую и скользкую от мыла. Ему нравилось думать, что она вытрется для него и, может быть, для него же надушится.

Через несколько минут она вернулась в спальню, завернутая в большое полотенце. На голову она намотала другое полотенце, поменьше. Потом вдруг, как будто устраивая для него частный стриптиз, сбросила с себя полотенце, открыла шкаф и сняла с полки элегантные, тускло поблескивающие черные туфли на высоких шпильках.

«Джимми Чу»!

Он едва сдерживал возбуждение, когда она надела туфли, ставя ноги поочередно на стульчик рядом с кроватью и застегивая ремешки, по четыре на каждой! Затем она, не одеваясь, прошлась по комнате, любуясь собой и принимая разные позы перед большим настенным зеркалом.

Да, детка... Вот так... Да, да... Спасибо тебе!

Он посмотрел на маленький треугольник волос под плоским животом. Он любил, когда там все аккуратно подстрижено. Ему нравились женщины, которые следят за собой, обращают внимание на мелочи.

Только для него!

Не снимая с головы тюрбан из полотенца, она подошла к шкафу. Протянула руку. Ее лицо оказалось совсем рядом; он видел ее через занавешенное стекло.

Он приготовился.

Она распахнула дверцу.

И тут же из-за вешалок метнулась рука. К ее носу прижалась тряпка, пропитанная хлороформом.

Бесшумно, как акула, он выскользнул из-за платьев, обхватил ее затылок, сильнее прижал тряпку к носу. Наконец она обмякла в его руках.

29 1997

30 декабря, вторник

Рейчел Райан неподвижно лежала на полу микроавтобуса. У него болел кулак, которым он ударил ее по голове. Болел так сильно, что он испугался: вдруг сломаны большой и указательный пальцы? Они почти не шевелились.

– Черт! – прошипел он, трясая рукой. – Черт, блин, черт! Сука!

Он стащил перчатку, чтобы осмотреть пальцы, но трудно было что-либо разглядеть в полумраке.

Потом опустился на колени рядом с ней. Когда она падала, голова громко стукнулась об пол. Может, он сломал ей челюсть? И похоже, она не дышит...

Встревожившись, он положил голову ей на грудь. Уловил какое-то шевеление, но не понял, кто шевелится – она или он сам.

– Эй, что с тобой? – в страхе спросил он. – Рейчел! Ты как, Рейчел?

Он снова надел перчатку, схватил ее за плечи и потряс:

– Рейчел! Рейчел! Рейчел!

Он достал из кармана фонарик и осветил ей в лицо. Глаза у нее были закрыты. Он приоткрыл ей веко; как только он отпустил его, веко закрылось.

Страх нарастал.

– Эй, Рейчел, не умирай! Ты слышишь? Не смей тут подышать! Блин, ты меня слышишь?!

Из углов ее рта вытекала кровь.

– Рейчел! Хочешь попить? Хочешь, я тебе поесть принесу? Хочешь что-нибудь из «Макдоналдса»? Бикмак? Чизбургер? А может, большой бутерброд? Я тебе его принесу, хорошо? Ты только скажи, что ты хочешь. С чем тебе сделать? Сосиски с горчицей? А может, с сыром? У них с сыром вкусные. С тунцом? С ветчиной?

30 Наши дни

8 января, четверг

Ра проголодался. Бутерброд с курицей и плавленым сыром уже два часа терзал его воображение. Всякий раз, как он поворачивал за угол, пакет с термосом катался по пассажирскому сиденью.

Он давно собирался постоять где-нибудь в тихом месте и перекусить – ему полагался ежедневный часовой перерыв, – но вокруг было слишком много народу. Чаевые упускать нельзя. Пришлось выпить одиннадцатичасовую чашку чаю за рулем. Обычно по четвергам много пассажиров, но сегодня первый четверг после Нового года. Он рассчитывал на спокойный вечер. Однако некоторые пассажиры уже пришли в себя и снова разъезжали по вечеринкам. И заказывали такси. И надевали красивые туфли.

Ага-ага.

Что ж, он не против. Каждый развлекается по-своему. Он радовался за них всех. Главное, чтобы платили и не пытались сбежать – некоторые пытаются уйти не заплатив. А еще лучше, когда ему дают чаевые! Чаевые всегда выручают. Они помогают ему копить. Помогают собирать коллекцию.

Коллекция разрастается день ото дня. Очень красивая. О да!

Завыла сирена.

Его кольнула тревога. Он затаил дыхание.

В зеркале заднего вида замерцал проблесковый маячок, потом его обогнала патрульная машина. Через несколько секунд за ней проехала другая, как будто двигалась по его следу. Интересно, подумал он. Почти все ночи его не бывает дома, он работает, но сразу две патрульные машины обгоняют его нечасто. Наверное, случилось что-то серьезное.

Он приближался к своей обычной точке на набережной Брайтона, где любил постоять каждый час, через час по ночам, и попить чайку, а сейчас еще и газетку почитать. С прошлого четверга, когда в отеле «Метрополь» произошло изнасилование, он пристрастился к газетам. Какие интересные статьи! У жертвы забрали одежду. Но больше всего его возбудил рассказ о том, что у нее забрали туфли.

Ага-ага!

Он остановил такси, выключил зажигание, взял бумажный пакет, в котором лежал большой бутерброд, но тут же снова положил его на сиденье. От пакета уже не пахло так хорошо, как раньше. От запаха его затошнило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.